

III.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ УРАЛЬСКАГО РЫБНАГО ХОЗЯЙСТВА *).

Я начну мое описаніе уральскаго рыболовства выписками изъ сочиненій двухъ знаменитыхъ членовъ Русскаго Географическаго Общества: покойнаго Надеждина и академика Бѣра, помѣщенныхъ въ изданіяхъ Общества.

„Не есть ли это живая картина общинныхъ работъ, какъ онѣ производились нѣкогда по всей Руси, какъ производятся еще и нынѣ по мѣстамъ, *идѣ старая русская община сохранилась цѣлѣе*; на примѣръ въ Сибири, тоже при сѣнокосахъ; *на Уралѣ, — при общественной рыбной ловлѣ*“. (Надеждинъ. Записки Русскаго Географическаго Общества, кн. I и II, стр. 177).

„Можно представить себѣ въ какомъ восхищеніи, видѣвъ промышленниковъ Новой Земли, я прибылъ потомъ къ поморцамъ Бѣлаго моря. Но здѣсь меня увѣрили, что тѣ же люди, столько честные, вѣрные и безкорыстные далеко на сѣверѣ, дѣлаются хитрыми и лукавыми въ сношеніяхъ съ полицейскими властями. Тамъ они почитаютъ свои обычаи необходимостью, здѣсь же видятъ въ законахъ только препоны, которыя надобно обойти. Не знаю, справедливы ли жалобы Архангелогородцевъ, но они рѣзко выражаютъ разницу между *законами писанными и законами обычая*. Впрочемъ, законы обычая основаны не только на *общей необходимости, они зависятъ также отъ природныхъ свойствъ человека*.“ (Бѣръ. Записки Русск. Географ. Общества, кн. I и II, стр. 80).

*) Статья эта была читана въ собраніи Географическаго Общества 10-го февраля 1858 года.

Оба выписанныя мною мѣста выражаютъ собою ту цѣль, которой желалъ бы достигнуть настоящей статьею, т. е. представить *живую картину общинныхъ работъ при общественной рыбной ловлѣ на Уралѣ* и показать еще примѣръ разницы между *законами писанными и законами обычая*, въ подтвержденіе того, что такіе обычаи должны зависѣть отъ природныхъ свойствъ человѣка, и, ежели не могутъ даже основываться *только на общей необходимости*, то еще менѣе могутъ быть объясняемы внѣшними правительственными цѣлями и соображеніями и почитаться навязанными народу административными мѣрами. Если бы особенности экономического устройства уральскаго рыболовства не дѣлали изъ него явленія въ высшей степени оригинальнаго, описаніе его не представило бы, можетъ быть, довольно интереса, чтобы составить предметъ публичнаго чтенія передъ собраніемъ Географическаго Общества; не смотря на то, что рыболовство это, уже само по себѣ, составляетъ довольно значительную отрасль промышленности, доставляя рыбнаго товара на 1.200.000 р. с., т. е. пятую долю всей цѣнности каспійскаго улова, не считая того, что потребляется на мѣстѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, Уралъ есть единственная въ мірѣ большая рѣка, исключительно предназначенная для рыболовства, которому принесены въ жертву всѣ прочія услуги, оказываемыя человѣку текучими водами. На немъ нѣтъ ни судоходства, ни сплава лѣсу (по крайней мѣрѣ ниже учуга при Уральскѣ), ни движимыхъ водою мельницъ. Во весь годъ нельзя почти увидать на немъ ни одной лодки, которая бы плыла не съ рыболовною цѣлью. Самый переѣздъ черезъ Уралъ затрудненъ. На всемъ пространствѣ отъ учуга до моря, что составляетъ около 500 верстъ по почтовой дорогѣ, устроенъ только одинъ мостъ у самаго Уральска, и одинъ паромъ у Гурьева — два пункта, гдѣ бываетъ значительная мѣна съ Киргизами. Даже Гурьевскій паромъ возбуждаетъ негодованіе многихъ, которые считаютъ его вредящимъ входу рыбы въ Уралъ, потому что онъ пугаетъ ее хлопаньемъ каната объ воду. Если нужно бываетъ переправиться черезъ Уралъ съ возами, связываютъ двѣ или три бударки (небольшія лодки), настилаютъ на нихъ, вмѣсто помоста, плетень, на носу и на кормѣ каждой бударки садится по казаку съ короткими и широкими веслами — и паромъ готовъ. — Эта рѣка, предназначенная исключительно на рыболовство, представляетъ особенность еще болѣе замѣчательную. Отъ

Бородинскаго форпоста, въ ста верстахъ выше Уральска, до моря; въ настоящее же время и значительная часть моря: по берегу отъ Пороховинскаго до Граннаго бугра, болѣе чѣмъ на 100 верстъ; въ глубь же до 6-ти и 7-ми-саженной глубины, справа на 76, а слѣва на 88 верстъ; равно какъ и всѣ рѣки и озера лежащія въ земляхъ Уральского войска, и внѣ этихъ земель, лежащее въ Киргизской степи, Черхальское морце, съ впадающими въ него двумя рѣчками Анкотами, — составляютъ общую собственность всего Уральского войска. Всѣ эти воды не раздѣлены на участки между отдѣльными лицами или селеніями, а принадлежать всему войску сообща; такъ что казаки, живущіе въ Гурьевѣ, имѣютъ право отпраляться за 500 верстъ въ Уральскъ для участія въ производимомъ, начиная оттуда, багреньи, и дѣйствительно пользуются этимъ правомъ. Наоборотъ, и живущіе въ Уральскѣ и выше могутъ спускаться для лова до самаго моря, напримѣръ во время весенняго лова, или ловить и въ самомъ морѣ, весною, осенью и зимою. — Такого способа пользованія, весьма законнаго и справедливаго по отношенію къ дарамъ природы, предлагаемымъ человѣку безъ всякаго со стороны его участія въ ихъ произведеніи или размноженіи, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не существуетъ, кромѣ Урала. Здѣсь, въ казацкомъ товариществѣ, распорядившемся занятаю имъ страню по своему произволу, безъ всякихъ внѣшнихъ ограниченій, проявилось на совершенномъ просторѣ и въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, ничѣмъ не стѣсняемое, но ничѣмъ внѣшнимъ и не возбуждаемое, срѣдное всѣмъ славянскимъ племенамъ, стремленіе къ общинному пользованію собственностью. Но, ежели такая собственность состоитъ изъ большой рѣки, на пространствѣ 600 верстъ длины, изъ участка моря тысячъ въ 9 квадратныхъ верстъ, и множества мелкихъ рѣчекъ и озеръ, изъ которыхъ одно имѣетъ до 60 верстъ въ окружности; хозяинъ же ея — собирательное лицо въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, — то общее пользованіе такою собственностью, чтобы не впасть въ совершенную неурядицу, должно представить весьма сложное, а чтобы быть еще къ тому же справедливымъ, — весьма мудрое экономическое устройство, которое — полагаю я — уже по своей оригинальности имѣетъ нѣкоторое право на общее любопытство.

Особенности этого общиннаго хозяйства громаднхъ размѣровъ проявляются, какъ въ добываніи рыбы — способахъ производства рыболовства, — такъ и въ способахъ распредѣленія добычи. На все

это существуютъ строгія и опредѣленныя правила, примѣненныя къ мѣстнымъ и временнымъ обстоятельствамъ, и, что еще рѣже, всѣ эти правила строго выполняются, за исключеніемъ сравнительно немногочисленныхъ злоупотребленій, происходящихъ болѣе со стороны начальствующихъ лицъ, чѣмъ простыхъ казаковъ. Они основаны, однако же, не на какихъ либо положительныхъ узаконеніяхъ; все установилось здѣсь въ прежнія времена подъ вліяніемъ духа казацкаго товарищества на мірскихъ сходкахъ, такъ называемыхъ казацкихъ кругахъ, на которыхъ, подобно всѣмъ прочимъ казацкимъ дѣламъ, обсуживались, измѣнялись и наконецъ окончательно утверждались и ихъ рыболовныя постановленія. Такимъ образомъ установленное передавалось преданіемъ. Въ настоящее время, правила, такимъ путемъ установившіяся, находятся подъ наблюденіемъ войсковаго начальства; впрочемъ и теперь по просьбамъ казаковъ они отъ времени до времени измѣняются.

Для того, чтобы понять и оцѣнить это свободное казацкое рыболовное законодательство, надо будетъ намъ, прежде его изложенія, обратить вниманіе на тѣ естественныя условія, къ которымъ должны были примѣняться казаки для составленія своего кодекса, и на исторію постепеннаго развитія уральскаго рыболовства.

Прежде всего, скажемъ нѣсколько словъ о самой мѣстности, на которой происходитъ уральское рыболовство. Рѣка Уралъ, на всемъ протяженіи своемъ отъ Уральска до Гурьева, течетъ по ровной глинистой степи неширокимъ русломъ, имѣющимъ въ верхней части не болѣе 50, у Гурьева же до 80 сажень ширины. Эта степь въ южной части своей солонцевата, и поэтому, единственно возможныя здѣсь отрасли промышленности: рыболовство и скотоводство. Только въ 80 верстахъ ниже Уральска, отъ Бударинскаго форпоста начинается плодородная почва, способная къ обработкѣ, и дѣйствительно обрабатываемая. О степени плодородія почвы и распредѣленіи занятій между Уральскими казаками, смотря по мѣсту ихъ жительства, всего лучше можно будетъ судить изъ слѣдующихъ данныхъ. Собственно такъ называемая Земля Уральскихъ казаковъ въ административномъ отношеніи раздѣляется на слѣдующія части:

1) *Илецкія станицы*, отъ Мухрановскаго форпоста до Бординскаго, на 50 верстъ по Уралу и за Ураломъ въ Илецкомъ городѣ.

2) *Верхняя дистанція*, отъ Бородинскаго форпоста до Уральска, по Уралу верстъ на 100.

3) Городъ *Уральскъ* съ округомъ.

4) *Средняя дистанція*, отъ Уральска до Калмыковской крѣпости, на 257 верстъ по Уралу.

5) *Нижняя дистанція*, отъ Красноярскаго форпоста до Гурьева городка, 220 верстъ по Уралу.

6) *Гурьевъ городокъ* съ округомъ, по Уралу до моря верстъ на 16.

7) *Чижинская линія*, расположенная по рѣчкамъ 1-й, 2-й и 3-й Чижи, къ ю.-з. отъ Уральска на границѣ съ Ново-Узенскимъ уѣздомъ Самарской губерніи.

8) *Внутренняя линія* по узеньямъ, на границѣ съ землями внутренней Киргизской орды.

Въ этихъ подраздѣленіяхъ земли Уральскаго войска было высьяно хлѣба и содержалось скота:

	Жителей обоого п.	Четв. пшен, овса, проса и ячменя.	Содержалось скота: крупнаго. мелкаго	
Въ Илецкихъ станицахъ на	10.356	8.985	26.015	15.985
„ Верхней дистанціи „	12.024	8.213	22.978	6,205
„ Округѣ Уральскомъ „	11.138	11.914	50.137	38.160
„ Средней дистанціи „	20.076	1.908	28.348	50.252
„ Нижней дистанціи „	5.476	—	11.256	45.520
„ Гурьевскомъ округѣ „	1.874	—	5.396	29.236
„ Чижинскихъ линіяхъ „	938	1.212	3.850	4.100
„ внутренней линіи „	1.534	566	11.691	37.383

Такъ что приходится на душу:

Въ Илецкихъ станицахъ	6,9	2,5	1,5
„ Верхней дистанціи	5,5	1,9	0,5
„ Уральскомъ округѣ	8,6	4,5	3,4
„ Средней дистанціи	0,8	1,4	2,5
„ Нижней дистанціи	—	2,1	8,3
„ Гурьевскомъ округѣ	—	2,9	15,6
„ Чижинскихъ линіяхъ	10,3	4,1	4,4
„ внутренней линіи	2,9	7,6	24,4

Изъ нихъ всего болѣе высѣвается хлѣба на Чижинскихъ линіяхъ, въ округѣ Уральскомъ, въ верхней дистанціи и въ Илецкихъ станицахъ—(въ Чижинской линіи приходится слишкомъ по четверти ($10\frac{1}{4}$ мѣръ) на человѣка), т. е. въ сѣверной части Земли Уральскаго войска, гдѣ почва хороша; въ нижней дистанціи и въ Гурьевскомъ округѣ хлѣба не сѣется вовсе; въ средней приходится кругомъ менѣе четверика на человѣка, во внутренней же линіи менѣе 3-хъ четвериковъ, такъ что во всей нижней половинѣ этой области хлѣбопашества почти вовсе не существуетъ; за то тутъ содержится весьма много скота, такъ что во внутренней линіи, гдѣ притомъ мѣстное рыболовство по узеньямъ не очень прибыльно, и откуда довольно далеко отправляться на уральскіе ловы, приходится кругомъ на жителя мужскаго и женскаго пола почти 8 штукъ крупнаго и 24 штуки мелкаго скота.

На всемъ пространствѣ своего теченія, отъ Уральска до моря, принимаетъ въ себя Уралъ только 2 небольшія рѣчки съ правой стороны и ни одной съ лѣвой. За то Уралъ выпускаетъ изъ себя много рукавовъ, которые ниже съ нимъ же соединяются. Такіе рукава называются „старичами“, какъ бы потому, что они были нѣкогда главными руслами рѣки. Нѣкоторые изъ этихъ старичъ имѣютъ только одно сообщеніе съ рѣкою, другія же—два: истокъ и устье. Эти послѣднія называются полуусыми старичами. Черезъ пересыханіе одного изъ соединеній съ Ураломъ обращаются онѣ въ простыя. Раздѣленіе этихъ старичъ на полуусыя и простыя имѣетъ значеніе въ правилахъ уральскаго рыболовства. Въ обыкновенномъ разговорѣ смѣшиваютъ старицы съ „черными рѣчками“, подъ которыми собственно должно понимать рѣки, текущія изъ степи въ Уралъ, или текущія по степи и впадающія въ озера или топи, какъ напримѣръ Анкоты и Чижи.—Теченіе Урала чрезвычайно извилисто тамъ, гдѣ онъ вдается колѣномъ въ степь—берега совершенно обрывисты; но въ такомъ углѣ съ противоположнаго берега всегда образуется низменная коса, вдающаяся въ рѣку. Эти отлогія косы называются здѣсь *песками* и весьма удобны для вытягиванья неводовъ. Только этими вдающимися углами подходит Уралъ къ глинистой степи, на всемъ же остальномъ пространствѣ отъ Уральска до Зеленовскаго форпоста (118 верстъ выше Гурьева) онъ окаймленъ низменною полосой, въ нѣсколько верстъ шириною, ежегодно заливаемою и потому покрытою богатою травянистою растительностью и лѣсомъ. Эта низменная полоса

имѣетъ поверхность чрезвычайно неровную. Она вся изрѣзана ериками, рытвинами, котлубанями (озеровидными расширеніями) и старйцами, которые всѣ долго, нѣкоторые даже постоянно, сохраняютъ воду послѣ разлитія Урала. Ниже Зеленовскаго форпоста низменная полоса не столь уже рѣзко отличается отъ остальной степи, ибо начиная съ него, въ годы сильныхъ разливовъ, вся степь на значительную ширину сливается подъ одну водную скатерть, идущую вплоть до моря. Вода эта скоро стекаетъ; будучи мелкою и занимая обширное пространство, она весьма скоро нагрѣвается солнцемъ и способствуетъ скорому нагрѣванію взморья, также весьма мелкаго. Дно Урала отъ Уральска до моря, сначала песчанное, потомъ становится все болѣе и болѣе глинистымъ и иловатымъ; только верстахъ во ста выше Уральска, именно верстахъ въ 20 отъ этого города, берегъ и дно рѣки состоятъ изъ плитняка, и только еще верстъ 80 выше, по дачамъ Илецкихъ казаковъ, дно состоитъ изъ мелкаго камушника, представляя самыя удобныя мѣста для метанія икры красною рыбою. Обстоятельство, что такое дно начинается далеко отъ устьевъ, весьма невыгодно для распложенія въ Уралѣ самыхъ цѣнныхъ породъ каспійской рыбы.

Другая невыгода заключается въ постоянно усиливающемся обмеленіи устьевъ Урала и прилежащей къ нимъ части моря. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное изслѣдованіе этого предмета, и я замѣчу только, что вмѣсто 19 устьевъ, которыми впадалъ Уралъ еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, остались теперь только 7 (изъ которыхъ два обязаны своему происхожденію недавнему раздвоенію двухъ старыхъ рукавовъ, такъ что собственно говоря изъ бывшихъ 19 осталось только 5). Чтобы показать, какъ сильно обмелѣло взморье, — скажу только, что мнѣ случилось купаться въ совершенно открытомъ морѣ, гдѣ уже не было видно никакихъ признаковъ берега, и вода доходила только по поясъ. Это было почти при совершенномъ безвѣтріи, т. е. при нормальномъ уровнѣ моря. И это не отмель какая нибудь—все море на большое пространство здѣсь такъ мелко.

Кромѣ Урала и моря, изъ мѣстностей, на которыхъ производится рыболовство Уральскими казаками, заслуживаютъ еще вниманія: на правой, европейской, или по мѣстному названію самарской, сторонѣ—оба узеньскія Камышъ-Самарскими озерами, въ которыя они впадаютъ; на лѣвой же, азіатской — такъ называемой

бухарской, — озеро извѣстное подъ именемъ Черхальскаго морца, которое чрезвычайно обильно рыбою, имѣетъ около 60 верстъ въ окружности и принимаетъ въ себя двѣ рѣчки: большую и малую Анкоту, и выпускаетъ вливающуюся въ Уралъ Солянку. Въ этой Солянкѣ, впрочемъ, вода бываетъ только весною, и течетъ изъ морца въ Уралъ или обратно, смотря по относительной высотѣ въ нихъ уровня воды.

Въ водахъ, принадлежащихъ уральскому войску, ловятся главнѣйше слѣдующія породы рыбъ: бѣлуги, осетры, шипы и севрюги, составляющіе такъ называемую красную рыбу; и судаки, лещи, сазаны, называемые вмѣстѣ со всѣми остальными мелкими породами, въ противоположность красной, черною рыбою. На двухъ обстоятельствахъ въ жизни всѣхъ этихъ рыбъ основано устройство уральскаго рыболовства. Первое изъ нихъ есть весенній ходъ рыбы въ рѣки для метанія икры. Привлекаемая прѣсною водою, которая почти для всѣхъ породъ, живущихъ въ Каспійскомъ морѣ, необходима для метанія икры, онѣ стремятся весною въ рѣки. Такъ какъ къ тому побуждаетъ рыбу непреодолимая физическая потребность, пробуждающаяся для большей части каспійскихъ рыбъ весною, то идутъ онѣ въ это время массами, болѣе или менѣе многочисленными косяками, быстро слѣдующими одинъ за другимъ. Время это, впрочемъ, не одинаково для всѣхъ притоковъ Каспійскаго моря, и зависитъ отъ скорѣйшаго или медленнѣйшаго нагрѣванія воды. Мы уже видѣли, что въ Уралѣ и въ прилежащей къ нему части моря нагрѣваніе происходитъ очень быстро, поэтому и метаніе икры бываетъ здѣсь раньше, чѣмъ въ сосѣдственной Волгѣ. Войдя въ рѣку, каждая порода отыскиваетъ пригодныя для себя мѣста. Для черной рыбы нѣтъ недостатка въ такихъ мѣстахъ по разливамъ Урала. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать и о красной рыбѣ. Та, которой удастся избѣгнуть направленныхъ противъ нея орудій лова, не находя въ главномъ руслѣ Урала того, что ей нужно для выметыванія икры при благопріятныхъ обстоятельствахъ, идетъ въ разливы его, — на такъ называемые „наборы“ или прибоистыя мѣста, гдѣ грунтъ твердый, много „каршей“ (т. е. повалившихся деревьевъ) и еще стоящихъ на корню деревьевъ, гдѣ она можетъ тереться о шероховатую ихъ кору. Казаки, которымъ посчастливится, во время весенняго лова, попасть на такіе наборы, получаютъ большую добычу. Но такъ какъ и эти наборы далеко не составляютъ мѣстъ, вполне пригодныхъ

для метанія икры красною рыбою, то она и выметываетъ ее въ меньшемъ числѣ; а главное, изъ выметанной икры не можетъ развиваться столько мальковъ, какъ при нормальныхъ условіяхъ.

Какъ бы то ни было, выметавши икру, или даже не найдя для этого благоприятныхъ условій, рыба въ рѣкѣ не остается, а возвращается обратно въ море — свое настоящее мѣсто жительства. Слѣдовательно, что не было поймано въ это время въ рѣкѣ или на взморьѣ, спасается въ глубины моря, гдѣ вообще трудно уже поймать рыбу. Изъ рукъ же Уральцевъ она этимъ ускользаетъ совершенно, ибо они не ловятъ внѣ своихъ предѣловъ. На этомъ весеннемъ ходѣ рыбы основаны всѣ весеннія уральскія рыболовства, сообразуясь съ нимъ въ способахъ своего производства.

Совершенно другой характеръ имѣетъ лѣтній и осенній ходъ рыбы въ рѣки. Хотя и этотъ ходъ рыбы не составляетъ чего-либо исключительно принадлежащаго Уралу; однако же, не только ни въ одномъ изъ притоковъ Каспійскаго моря, но можетъ быть и нигдѣ, не имѣетъ онъ столь рѣзкаго и отличительнаго характера, какъ въ этой рѣкѣ. Поэтому, я поговорю о немъ нѣсколько подробно.

Цѣль его составляетъ потребность зимняго отдыха или сна. Какъ на ходѣ рыбы для метанія икры основаны всѣ виды весенняго рыболовства, такъ точно на зимнемъ отдыхѣ ея основаны всѣ виды осенняго и зимняго рыболовства. Этотъ зимній отдыхъ не проявляется нигдѣ съ такою очевидностью, какъ въ Уралѣ, — потому, что нигдѣ не принято человѣкомъ такихъ мѣръ, чтобы не мѣшать рыбѣ, во время ея входа въ рѣку, и охранять ея покой. Съ конца іюля уже замѣчаютъ, что какъ красная, такъ и черная рыба начинаетъ вторично подниматься въ Уралъ. Въ это время всякій ловъ запрещенъ, чтобы не пугать входящей рыбы. Сначала она гуляетъ по рѣкѣ, но, по мѣрѣ того какъ вода начинаетъ холодѣть, въ августѣ и въ сентябрѣ, останавливается на извѣстныхъ мѣстахъ для нея удобныхъ, преимущественно глубокихъ, и держится около такого избраннаго ею мѣста, далеко не отходя отъ него. Во все это время, опытные казаки, особо для этого назначенные, зорко слѣдятъ за ходомъ рыбы, знаютъ каждый прошедшій мимо ихъ косякъ, и гдѣ онъ остановился. Объ этомъ передаются извѣстія съ конца въ конецъ уральской линіи, и казаки всегда могутъ приблизительно предсказать, каковы будутъ осенняя плавня и багренье. Когда рыба останавливается на извѣстныхъ

мѣстахъ, сторожевые казаки наблюдаютъ въ какомъ количествѣ и какая рыба тутъ легла. Для этого смотрятъ они по зарямъ, какъ рыба подымается, т. е. играетъ, выпрыгиваетъ изъ воды. Опытность ихъ въ этомъ такъ велика, что издали, на разстояніи, на которомъ уже нельзя ясно различать формы рыбы, во время ея быстрого всплеска, — они по этому всплеску безошибочно узнаютъ не только породу, но и полъ рыбы, подобно тому, какъ опытные охотники узнаютъ птицу по полету. Икряная, говорятъ они, лишь немного и тихо изъ воды приподнимается; яловая же очень быстро выскакиваетъ всѣмъ тѣломъ.

Мѣста, на которыхъ скопляется рыба, называются Уральцами *ятовями*. На ятови, которую избираетъ для себя красная рыба, черной уже не бываетъ, и на-оборотъ. Изъ красной на ятови всего болѣе собирается осетра, севрюги же и бѣлуги несравненно менѣе. Ятови эти извѣстны казакамъ всѣ на перечесть и имѣютъ опредѣленные названія. Пока ятовное мѣсто еще не покрылось льдомъ, рыба часто подымается на поверхность и играетъ, особливо по утрамъ; по замерзаніи же его, опускается въ глубь, но, по замѣчанію казаковъ, не лежитъ на днѣ, а держится въ небольшомъ отъ него разстояніи. Часто казаки, сторожащіе рыбу, послѣ покрытія ятовей льдомъ, пока его еще не занесло снѣгомъ и онъ прозраченъ, подползаютъ на животѣ къ самой ятови, стараясь разсмотрѣть рыбу. Такъ какъ на днѣ ее не видать — они сильно ударяютъ палкою по льду, отъ чего она вся поднимается къ верху, и какъ бы прислушивается къ шуму, ее потревожившему, ибо поднимается обыкновенно бокомъ, какъ бы обращая ухо къ поверхности льда.

Ятовная рыба выпускаетъ изъ себя слизь, которая одѣваетъ ее тонкою оболочкою, называемою „сленомъ“, или шубою. Но мнѣнію казаковъ, рыба чрезвычайно бережетъ во всю зиму этотъ слень, который долженъ предохранять ее отъ холода, опасаясь сбить или стереть его съ себя. Этимъ объясняютъ они необыкновенную тихость и медленность ея движеній въ это время, такъ что, даже, когда зацѣпять ее багромъ, она весьма мало бьется. Такое состояніе рыбы конечно гораздо естественнѣе объяснить ея сномъ или состояніемъ какого-то оцѣпененія, могущаго происходить какъ отъ холода, такъ и отъ меньшаго количества воздуха подъ льдомъ, и слѣдовательно отъ слабѣйшаго дыханія. Во всякомъ случаѣ, онъ этотъ или оцѣпененіе не очень крѣпки, потому что, черезъ

нѣсколько времени послѣ начала багренья, всегда сопровождаемаго большимъ шумомъ, рыба поднимается со дна, и начинаетъ медленно расходиться въ стороны.

Вся лежащая на ятовыхъ рыба почти совершенно вылавливается въ осеннюю плавню и въ багренье; та же, которая остается становится весною, когда ледъ разойдется, очень бойкою и старается освободиться отъ покрывающаго ее слоя слизи—слена.

Ходъ рыбы въ Уралѣ для зимняго отдыха продолжается съ іюля по конецъ сентября, и вошедшая рыба остается въ рѣкѣ всю осень и зиму. Тутъ нечего слѣдовательно опасаться, чтобы эта рыба ускользнула изъ рукъ; поэтому ясно, что, основанныя на этомъ отдыхѣ, осеннія и зимнія рыболовства должны имѣть совершенно другой характеръ, нежели весеннія, что и увидимъ ниже. Теперь же посмотримъ, какимъ образомъ получили Уральцы въ свое владѣніе весь Уралъ, значительный участокъ моря и нѣкоторыя особливныя льготы, имѣющія связь съ рыбною промышленностью.

Не входя въ разсмотрѣніе того, какъ и когда появились казаки на берегахъ Урала, что до настоящей нашей цѣли вовсе не касается, мы остановимся на томъ положительномъ фактѣ, что въ тридцатыхъ годахъ прошедшаго столѣтія казаки жили только въ Уральскѣ—тогдашнемъ Яицкомъ городкѣ, и въ ближайшихъ его окрестностяхъ. Вся нижняя часть теченія Урала тогда еще имѣла и ни кому, не принадлежала. Здѣсь кочевали по лѣвой сторонѣ рѣки Киргизы, по правой Калмыки, которые другъ на друга безпрестанно нападали и другъ друга грабили, переходя для этого разграничивающую ихъ рѣку. При самомъ же устьѣ Урала существовалъ, еще за долго до этого времени, Гурьевъ-городокъ, и, въ четырехъ верстахъ ниже теперешняго городка, на мѣстѣ доселѣ называемомъ *брантвагтою*, былъ устроенъ казенный учугъ, отдававшійся на откупъ. Въ учугѣ этомъ первоначально были открыты съ обоихъ концовъ ворота, шириною отъ 6 до 8 сажень, но въ послѣдствіи они были уничтожены, вѣроятно откупщиками, и рыба могла проходить въ Уралъ лишь побочными его устьями, въ то время многочисленными и глубокими. Къ этому учугу, а не къ уральскому, относится преданіе, что рыба такъ напирала на него весною, что должны были разгонять ее пушечными выстрѣлами, изъ опасенія, чтобы она не опрокинула всей забойки.

Казаковъ, жившихъ тогда въ яицкомъ городкѣ, было до 3.000 способныхъ носить оружіе. Они охраняли лишь ту часть границы, которая примыкала къ мѣсту ихъ жительства. Главнѣйшій доходъ свой, подобно тому какъ и нынѣ, имѣли они отъ рыболовства, которое вѣроятно распространяли и нѣсколько ниже своего городка, повыше котораго тогда уже устроенъ былъ учугъ, дабы не пропускать вверхъ рыбы лѣтнаго и осенняго входа. Астраханскимъ губернаторомъ Татищевымъ поданъ былъ проектъ: поселить по Уралу, для охраненія его ниже жилищъ уральскихъ казаковъ, казанскій драгунскій полкъ и, подъ его прикрытіемъ, въ родѣ иррегулярнаго войска, самарскихъ и алексѣевскихъ дворянъ. Проектъ этотъ былъ утвержденъ резолюціею Кабинета отъ 21-го генв. 1739 года, но, за нѣкоторыми препятствіями, рѣшеніе это нѣсколько лѣтъ не было приводимо въ исполненіе.

Казаки, между тѣмъ, опасаясь, что эти новые поселенцы будутъ перелавливать на пути идущую въ нимъ рыбу, подали просьбу, въ которой обязывались построить у урочищъ Кулагина и Калмыкова яра — по крѣпости и охранять ихъ, равно какъ и всю линію вплоть до Гурьева, своими силами, прося лишь, чтобы на этомъ пространствѣ не дѣлали предполагаемыхъ заселеній уволили ихъ отъ постороннихъ командировокъ и отворили ворота по обоимъ концамъ Гурьевскаго учуга въ 8 сажень ширины каждыя.

Какъ боялись казаки предполагаемаго поселенія драгунъ, можно видѣть изъ ихъ просьбы, въ которой они говорятъ: «отъ такого заселенія мы прійдемъ въ крайнюю нищету и разореніе, и рыбные наши промыслы, отъ которыхъ все свое содержаніе и пищу имѣемъ, и службу отправляемъ, вовсе уничтожатся, ибо, за таковымъ поселеніемъ, рыба до нашего городка, за тѣмъ, что всегда будетъ пужана, приходитъ уже не можетъ, и отъ одного оружейнаго выстрѣла, или огнища, или кто не во время хотя одну рыбу поймаетъ—вся на низъ уходитъ». Несправедливость этихъ словъ очевидна, ибо, если такое препятствіе, какъ Гурьевскій учугъ, рыбы назадъ не ворочалъ, и она доходила въ достаточномъ количествѣ до Яицкаго городка, для того, чтобы казаки могли, по собственнымъ же словамъ, имѣть отъ рыболовства все свое пропитаніе; то какъ могла сдѣлать это несвоевременная поимка одной рыбы, одинъ выстрѣлъ или на берегу разведенный огонь? Все это—вы-

думки, имѣвшія цѣлью отвратить предполагавшееся заселеніе, которое, дѣйствительно, имѣло бы погубныя слѣдствія для казаковъ, —выдумки, въкоторыхъ въ послѣдствіи казаки сами себя убѣдили. Въ этомъ заключается, вѣроятно, начало мысли, составляющей до настоящаго времени коренное убѣжденіе Уральцевъ, хранимое какъ завѣтъ старины, которой они во всемъ такъ твердо придерживаются, что не только судоходство, но всякій малѣйшій шумъ и даже огонь въ домахъ на берегу Урала, пугаютъ рыбу.

Тогдашній оренбургскій губернаторъ Неплюевъ, которому весь этотъ край такъ много обязанъ, вступился съ своей стороны за казаковъ, представляя, что предполагаемое заселеніе по Нижнему Уралу, совершенно бы разорило ихъ, тогда какъ, по его выраженію, „такой де сильный, легкій и исправный корпусъ разорять весьма не полезно“. Снисходя къ этимъ просьбамъ, Императрица отмѣнила резолюцію бывшаго Кабинета и, грамотою отъ 23 апрѣля 1743 года, пожаловала яицкое войско отвореніемъ учуга, наложивъ на него за это обязанность построить двѣ означенныя крѣпости, Калмыкову и Кулагину, содержать въ нихъ по 500 человекъ гарнизона, сначала ежегодно перемѣняемаго, а потомъ тутъ совершенно населить означенное число казаковъ, и своими разъѣздами отъ Уральска до Гурьева охранять границу, недопуская до перѣбѣговъ, кочующихъ по берегамъ рѣки, Киргизъ и Калмыковъ.

Такимъ образомъ, заселеніе нижняго Урала было для казаковъ не расширеніемъ ихъ владѣній, которое бы они считали своею выгодною, —а наложенною обязанностью, которую, правда, они сами предложили на себя принять, но только во избѣжаніе большаго зла—видѣть низовья ихъ кормильца, Яика, доставшимися въ чужія руки. Вслѣдствіе этого, долгое время должны были казаки смотрѣть на свои низовыя крѣпости и форпосты, какъ на колоніи. Они ревниво надзирали, чтобы отъ этихъ низовыхъ жителей не происходило вреда для ихъ метрополіи, ихъ коренной отчины—Яицкаго городка и, какъ увидимъ ниже, сколько могли противились развитію низоваго рыболовства, особливо же морскаго. На это имѣли они отчасти и благовидные доводы, ибо морское рыболовство, устроившееся въ позднѣйшее время, уже не свободнымъ путемъ общаго и товарищескаго согласія, а подъ вліяніемъ присутственнаго мѣста, — Войсковою Канцеляріи, далеко не носитъ на себѣ того характера справедливости и равномѣрности въ распредѣленіи выгодъ, какъ рѣчное. Подобно тому, какъ во времена Неплюева

жители Яицкаго городка желали лучше, чтобы низовья Урала были ничьи, чѣмъ ихнія, такъ точно и теперь большинство верховыхъ жителей желало бы лучше, чтобы принадлежащій войску участокъ моря былъ ничей, чѣмъ ихній, но конечно лучше ихній, чѣмъ чужой. Разселеніе казаковъ по всему Уралу послужило къ ихъ же пользѣ; конечно и морское рыболовство, давая само по себѣ значительную прибыль, будучи устроено на нѣсколько другихъ началахъ, помирило бы съ собою большинство.

Стараясь объ отвореніи Гурьевскаго учуга, Неплюевъ писалъ объ этомъ и къ Татищеву, подавшему первую мысль о поселеніи драгунъ на Уралѣ, желая и его преклонить на свою сторону. Татищевъ не только согласился съ мнѣніемъ Неплюева, но, принимая въ соображеніе ничтожность выгодъ, получаемыхъ казною отъ Гурьевскаго учуга, доставившаго въ два года 1740 и 1741 только 5,037 р. 66 коп., предложилъ отдать учугъ казакамъ вмѣсто жалованья, предоставивъ на ихъ произволъ сломать его, или содержать въ свою пользу. Казаки, понявъ всю выгоду, которую могло бы имъ доставить осуществленіе мысли Татищева, вошли объ этомъ съ новою просьбою въ Военную Коллегію. Неплюевъ поддержалъ ихъ и въ этой просьбѣ, представивъ между прочимъ резоны, что гораздо выгоднѣе будетъ совершенно отчислить Гурьевъ отъ астраханскаго вѣдомства къ оренбургскому. 25 мая 1752 года полученъ былъ указъ, удовлетворявшій просьбѣ казаковъ, и 16 сентября того же года былъ заключенъ въ Каммеръ-Коллегіи контрактъ съ Яицкимъ войскомъ, которымъ съ 1 января 1753 года отданъ былъ ему Гурьевскій учугъ на уничтоженіе, за ежегодную плату 4,692 р. 69¹/₃ коп. Эту сумму, составляющую на серебро по теперешнему курсу 1,340 р. 77 коп., уральскіе казаки и доселѣ вносятъ въ казну. Въ контрактѣ не приведено причинъ, почему положено Гурьевскій учугъ уничтожить, а не отдать казакамъ въ пользованіе; но можно догадаться, что это было согласіе съ желаніемъ войска. Въ этомъ же контрактѣ сказано, что, по силѣ присланнаго изъ Сената указа, запрещается казакамъ ловить рыбу при Гурьевѣ городѣ и близъ онаго, гдѣ производился ловъ во время казеннаго управленія.

Это ясно доказываетъ, что въ то время, даже послѣ уничтоженія Гурьевскаго учуга, тамошняя мѣстность и берега моря, а тѣмъ болѣе самое море, казакамъ вовсе не принадлежали. Владѣніе, принадлежащее имъ теперь, частію моря казаки основываютъ

на указъ, послѣдовавшемъ отъ Государственной Каммеръ-Коллегіи въ Оренбургскую Губернскую канцелярію отъ 24 февраля 1758 года, но окончательно и безповоротно утверждено оно за ними только указомъ отъ 23 декабря 1803 года.

Такъ какъ въ половинѣ прошедшаго столѣтія существовали еще внутреннія пошлины съ привозимыхъ товаровъ, то казаки съ вывозимой ими рыбы должны были отдавать десятую въ казну въ видѣ пошлины. Такъ какъ этотъ вывозъ значительно долженъ былъ увеличиться отъ уничтоженія Гурьевскаго учуга, то для удобнѣйшаго сбора этой пошлины, вмѣнено имъ въ обязанность везти рыбу не иначе, какъ на одно изъ слѣдующихъ мѣстъ: Самару, Сызрань, Батрацкую ярмарку, Сергіевскъ и Алексѣевскъ. При этомъ же была установлена новая пошлина съ соленой рыбы и икры, также десятая рыба или десятая часть по вѣсу, вмѣсто соли, „которую имъ на это соленіе покупать изъ казны было должно“, но которою они беспошлинно пользовались изъ Индерскаго и Грязнаго озеръ.

Еще въ томъ же 1753 году всѣ внутреннія пошлины были уничтожены. Вскорѣ послѣ этого, казаки стали просить, чтобы и сборъ съ соленой рыбы и икры отдали имъ же въ откупное содержаніе. Просьба ихъ была уважена, и съ 1 января 1759 года повелѣно отдать имъ въ откупное содержаніе сборъ, производимый съ вывозимой съ Яика соленой рыбы и икры за 5,003 р. 84½ к., — сумму, которую до сихъ поръ уральское войско вноситъ въ Государственное казначейство, по вынѣшнему курсу 1,429 р. 67 коп. Вмѣсто этого казеннаго сбора, стали собирать въ Уральскѣ, въ общую пользу войска, пошлину, по извѣстной таксѣ съ каждаго пуда вывозимой соленой рыбы и икры. Сборъ этотъ отдаетъ войско въ свою очередь на откупъ, получая за это по послѣднимъ торгамъ 46,800 р. сер. Для обезпеченія этого сбора существуетъ на Уралѣ строго выполняемое правило, по которому вся рыба и икра, какъ свѣжая, такъ и соленая, должны непременно вестись во всѣ мѣста Имперіи не иначе, какъ черезъ Уральскъ.

Такимъ образомъ, къ шестидесятымъ годамъ прошедшаго столѣтія уральское войско получило въ свое владѣніе всѣ воды и вступило во всѣ права, которыя теперь имѣетъ.

Мнѣ остается еще сказать, какіе изъ видовъ уральскаго рыболовства должно считать исконными, и какіе введены вновь, когда и по какому случаю.

Всѣ виды уральскаго рѣчнаго рыболовства имѣютъ свое начало съ давнихъ временъ, и о введеніи не осталось никакихъ свѣдѣній ни письменныхъ, ни изустныхъ. Но ежели позволено мнѣ будетъ сдѣлать догадку, то, по моему мнѣнію, рѣчныя неводныя рыболовства новѣе багренья и плавныхъ лововъ, потому что на нихъ позволено имѣть въ работникахъ иногороднихъ, что уже противорѣчитъ основному правилу, такъ сказать догмату Уральцевъ, что въ Уралѣ никто, кромѣ природнаго казака, ловить не можетъ. Сверхъ этого, и самая мѣстность, на которой неводные ловы производятся, поступила въ собственность казаковъ только со времени уничтоженія Гурьевскаго учуга, и дѣйствительно, въ перечисленіи уральскихъ рыболовствъ Рычковымъ, въ его Топографіи Оренбургскаго края, не упоминается еще объ этихъ неводныхъ ловахъ.

Въ 1801 году увеличеніе народонаселенія принудило завести новый рядъ форпостовъ по Узеньямъ, названный Внутреннею линіею. Съ самаго поселенія начали казаки, безъ сомнѣнія, ловить рыбу въ тѣхъ рѣкахъ, но безъ всякихъ правилъ, какъ и когда кто хотѣлъ. Только съ начала двадцатыхъ годовъ устроены и тутъ правильный ловъ, начинающійся въ опредѣленные сроки, для того, чтобы не одни живущіе на Внутренней линіи, но, согласно понятіямъ объ общинной собственности всѣхъ рыбныхъ водъ, имъ принадлежащихъ,—всѣ вообще казаки, буде только пожелаютъ, могли принимать въ немъ участіе.

Подобно сему, приведенъ въ систему весенній ловъ въ Черхальскомъ морцѣ въ 1821 году, а зимній только въ началѣ сороковыхъ годовъ, преимущественно съ тою цѣлью, чтобы отвлечь часть казаковъ отъ багренья. Когда вообще начался черхальскій ловъ, я никакъ не могъ узнать. Вѣроятно первоначально ходили казаки на морце самовольно, небольшими партіями, тѣмъ болѣе, что Киргизы не умѣли пользоваться богатымъ озеромъ, лежавшимъ въ ихъ землѣ. Вообще, казаки всегда завладѣвали, если только могли, тѣмъ, что представляло для нихъ выгоды. Такъ, еще въ 1854 году просили они дозволить имъ ловъ въ рѣкахъ, называемыхъ Анна-Куль, лежащихъ въ Киргизской степи, болѣе чѣмъ въ 40 верстахъ отъ Урала; но Войсковая Канцелярія отвѣчала, что не имѣетъ права разрѣшить этого лова, и строжайше запретила имъ туда отправляться.

Если подѣ именемъ морскаго лова разумѣть и ловъ по Култукамъ, и вообще по побережью, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ уже

производился въ прошедшемъ столѣтіи, преимущественно въ Курхайскомъ морцѣ, куда въ то время вливался еще западнѣйшій изъ рукавовъ Урала—Нарынка, и которое соединялось нѣсколькими пропонами съ Богатымъ Култукомъ—заливомъ Каспійскаго моря, славившимся изобиліемъ въ немъ рыбы. До сихъ поръ существуетъ преданіе о началѣ этого лова. Раскольниковы монахи и бѣглецы, укрывавшіеся у нихъ, жившіе по пустынному побережью моря, рассказывали, какъ весною толпится рыба въ Култукахъ и жметъ къ тѣмъ мѣстамъ берега, откуда переливается со степи прѣсная вода. Эти рассказы послужили поводомъ къ начатию тамъ лова на простыхъ бударкахъ. Только въ 1816 году просили нѣкоторые чиновники (т. е. офицеры) и казаки Войсковую Канцелярію о дозволеніи имъ производить рыболовство въ морѣ вправо отъ Бабинской Косы. Въ причинахъ, выставленныхъ Войсковою Канцеляріей, по которымъ этотъ ловъ разрѣшается, и въ правилахъ, для него установленныхъ, видны уже опасенія Уральцевъ, чтобы морской ловъ не повредилъ рѣчному. Потому, строго былъ запрещенъ ловъ противъ устьевъ Урала, что и доселѣ во всей строгости соблюдается, а также и съ лѣвой стороны оныхъ до Эмбинской, — восточной грани Уральскихъ владѣній.

Уже черезъ 20 лѣтъ послѣ этого, въ 1837 году, разрѣшенъ былъ ловъ и слѣва отъ устьевъ Урала, и то потому, что Астраханскіе—вольные эмбинскіе промышленники, пользуясь тѣмъ, что сами Уральцы здѣсь не ловятъ, ставили свои сѣти въ большомъ количествѣ въ этихъ водахъ. Трудность прекратить эти облавы заставила казаковъ самихъ учредить здѣсь свой ловъ.

Но морской ловъ доставлялъ преимущественно выгоды только богатымъ казакамъ, во 1-хъ потому, что только такіе могутъ справить себѣ хорошія морскія палубныя лодки, во 2-хъ же потому, что они скупали, подъ видомъ довѣренностей, права бѣдныхъ казаковъ, не имѣющихъ средствъ участвовать въ этомъ ловѣ, и занимали такимъ образомъ своими сѣтями обширныя пространства моря. Поэтому, когда въ 1840 году Войсковая Канцелярія вошла съ представленіемъ къ тогдашнему оренбургскому военному губернатору, генералъ-адъютанту Перовскому, о введеніи осенняго лова въ морѣ, онъ, безъ сомнѣнія принимая во вниманіе понятія большинства казаковъ, его не разрѣшилъ. Но въ 1843 году Войсковая Канцелярія разрѣшила сама этотъ ловъ въ видѣ опыта и, найдя его выгоднымъ, просила новаго оренбургскаго губернатора, гене-

раль-лейтенанта Обручева, объ утвержденіи его. Но генераль Обручевъ, основываясь на томъ, что между казаками существуетъ мнѣніе, „что морской ловъ препятствуетъ входу рыбы въ Уралъ, гдѣ рыболовствуетъ все войско, въ морѣ же немногіе, и тѣ больше именемъ, ибо передаютъ свое право богатымъ казакамъ, которые такимъ образомъ овладѣваютъ всѣмъ богатствомъ войска“, сначала не согласился на это, и сдѣлалъ Войсковой Канцеляріи вопросные пункты о вредѣ морскаго рыболовства. Войсковая Канцелярія, приводя въ пользу своего мнѣнія умноженіе уральскаго народонаселенія и уменьшеніе входа рыбы въ Уралъ, вслѣдствіе обмеленія его устьевъ, отвѣчала: „что мнѣніе казаковъ о вредѣ морскаго рыболовства, какъ основанное лишь на желаніи какъ нибудь объяснить себѣ уменьшеніе рыбы въ рѣкѣ, и на предубѣжденіи противъ всего новаго, не заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что за нѣсколько передъ симъ лѣтъ морское рыболовство было отмѣнено, а рыбы въ Уралѣ отнюдь не умножилось, и что теперь отмѣнить морское рыболовство, существующее уже болѣе четверти столѣтія, значило бы добровольно пожертвовать выгодами войска, которое, вѣроятно, со временемъ должно будетъ искать средствъ къ обогащенію уже не въ Уралѣ, а въ морѣ“. Только послѣ этого отвѣта былъ утвержденъ новый видъ морскаго рыболовства, такъ называемый осенній Курхай или жаркой ловъ.

Однако, съ отвѣтомъ Войсковой Канцеляріи генералу Обручеву нельзя безусловно согласиться. Мнѣніе казаковъ о вредѣ, приносимомъ морскимъ рыболовствомъ рѣчному,— вовсе не одно предубѣжденіе, не заслуживающее никакого вниманія. Конечно, морскія рыболовства значительно увеличиваютъ собою общее количество годичнаго улова, такъ что съ уничтоженіемъ его, одно рѣчное доставило бы уловъ меньшій, чѣмъ то и другое вмѣстѣ. Но, съ другой стороны, неоспоримо также, что рѣчной ловъ значительно бы черезъ это усилился. Цѣль какъ той рыбы, которая идетъ на пространствѣ моря противъ Урала, между обѣими линіями бакеновъ, ограничивающими это пространство справа и слѣва, и которая, отклоняясь отъ одного пути, попадаетъ въ передніе ряды сѣтей, разставленныхъ вдоль бакенныхъ линій, такъ и той, которая, идя съ востока, со стороны Эмбинскихъ, или съ запада, со стороны Юсуповскихъ водъ, попадаетъ въ задніе ряды этихъ сѣтей,— все таки Уралъ. И если, конечно, не вся, попадающая въ курхайскія сѣти, рыба, то, по крайней мѣрѣ, значительная часть ея, достигала

бы своей цѣли, входила бы въ Ураль и увеличивала бы собою добычу съ рѣчныхъ рыболовствъ. Приведенное же, въ доказательство безвредности морскаго рыболовства для рѣчнаго, временное отмѣненіе его, не болѣе какъ уловка, или совершеннсе непониманіе того, чѣмъ морской ловъ можетъ вредить рѣчному. Чтобы удовлетворить голосу большинства казаковъ, возставшихъ противъ морскаго рыболовства, былъ отмѣненъ въ видѣ опыта съ 1831 по 1835 годъ одинъ изъ его видовъ. Но какой?—зимній, подледный ловъ—такъ называемый аханнй, который очевидно никакого вліянія на рѣчное рыболовство имѣть не можетъ, такъ какъ въ январѣ и февралѣ рано еще рыбѣ подниматься въ рѣки.

И такъ, курхайскія рыболовства, хотя и значительно увеличиваютъ количество годовичнаго улова, приносятъ небогатому большинству скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, уменьшая рѣчной уловъ, участіе въ которомъ каждому доступно.

Около 1816 же года установлено было и зимнее морское рыболовство, — аханное, по примѣру Астраханцевъ. Если оно избѣжало неудобствъ курхайскаго, то этимъ оно обязано, какъ увидимъ ниже, самой сущности производства этого лова.

Такимъ образомъ, не ранѣе 1843 года окончательно учредились всѣ виды рыболовствъ, производимыхъ въ настоящее время въ водахъ, принадлежащихъ уральскому войску.

Я не стану описывать всѣхъ уральскихъ рыболовствъ одно за другимъ, а постараюсь только представить въ сжатомъ видѣ существенное въ ихъ устройствѣ, съ двухъ точекъ зрѣнія: добыванія и распредѣленія богатства, вдаваясь лишь тамъ въ нѣкоторыя частности и подробности, гдѣ онѣ представляютъ нѣчто характеристическое, показывая до какой тонкости часто доводили казаки свою заботливость — о возможной выгоде свсего главнаго промысла, и о возможной справедливости, при распредѣленіи этихъ выгодъ.

Всѣ рыболовства, производимыя въ водахъ, принадлежащихъ уральскому войску, — а ихъ съ мелкими насчитывается около 25, — могутъ быть раздѣлены на такія, желающіе участвовать въ которыхъ должны собираться къ опредѣленному времени въ назначенное мѣсто и, подъ наблюденіемъ начальника — рыболовнаго атамана, — занимаются своимъ промысломъ; и на такія, во время которыхъ, каждый, оставаясь на своемъ мѣстѣ жительства, занимается своимъ ловомъ отдѣльно, или собираясь въ небольшія артели.

Для нихъ не назначается особливыхъ начальниковъ и, вообще, для ихъ производства не существуетъ столь строгихъ правилъ, какъ для первыхъ. Поэтому можно ихъ назвать свободными рыболовствами. — На первыхъ всегда строго и точно опредѣляются времена начала и окончанія лововъ, и это по слѣдующимъ причинамъ: 1) чтобы несвоевременнымъ ловомъ не помѣшать входу рыбы въ Уралъ, 2) чтобы нѣкоторые изъ казаковъ, начавъ ловъ прежде другихъ, не воспользовались лишними выгодами въ ущербъ остальнымъ, и наконецъ 3) чтобы каждый могъ заблаговременно приготовиться къ предстоящему рыболовству и, записавшись въ одно изъ нихъ, не могъ въ то же время участвовать въ другомъ, съ нимъ одновременномъ, посредствомъ своихъ рабочихъ, или передачею своего права другому казаку по довѣренности. Всѣ, сколько нибудь значительныя, рыболовства принадлежать къ этому разряду. Ихъ можно еще подраздѣлить на *главныя* и на *побочныя*. Главныя суть всѣ тѣ, которыя производятся въ Уралѣ или въ морѣ, побочныя же по старикамъ Урала, въ Узеняхъ и другихъ черныхъ рѣчкахъ, въ морскихъ култукахъ и въ Черхальскомъ морцѣ, одновременно съ главными. Доставляя также не маловажныя выгоды, они уменьшаютъ число совмѣстниковъ на главныхъ рыболовствахъ. — Свободныя рыболовства, несравненно менѣе важныя по количеству доставляемой ими добычи, производятся лишь зимою по самому Уралу и старикамъ его. Изъ нихъ стоитъ упомянуть лишь о запорныхъ ловахъ.

Главныя рыболовства, а за ними слѣдовательно и одновременныя имъ побочныя, по времени и по характеру лова, раздѣляются на три группы. Двѣ изъ нихъ соответствуютъ двукратному ходу рыбы въ Уралъ и на немъ основаны. Это рыболовства *весенній*, куда принадлежать, изъ главныхъ, морское — *весенній курхай* и рѣчное — *севрюжья плавня*, изъ побочныхъ же — *весеннее черхальское*, и *осенне-зимній*, куда относятся, изъ главныхъ, морское — *осенній курхай*, рѣчныя *осенняя плавня*, *осеннее неводное*, *багренье* и *зимнее неводное*, изъ побочныхъ — *осеннее* и *зимнее узенское* и *зимнее черхальское*. Третій разрядъ заключаетъ въ себѣ лишь одно зимнее морское рыболовство — *аханное*, не имѣющее никакого отношенія къ ходу рыбы въ рѣку.

Чтобы ясно представить себѣ послѣдовательность и синхронизмъ всѣхъ этихъ рыболовствъ, должно имѣть въ виду, что побочныя рыболовства, имѣя конечно своею главною цѣлью доставить

войску по возможности большій доходъ, установлены между прочимъ и съ тѣмъ, чтобы предотвратить чрезмѣрное скопленіе рыболововъ на главныхъ рыболовствахъ. Поэтому, каждое изъ нихъ современно которому нибудь изъ главныхъ, однако же одновременность эта, по различнымъ естественнымъ и экономическимъ причинамъ, не совершенная. Они иногда начинаются нѣсколько раньше и оканчиваются позже соотвѣтствующихъ имъ главныхъ.

Со вскрытіемъ отъ льда моря и Урала, начинаются весеннія рыболовства: курхай и севрюжья плавня и современное имъ весеннее черхальское. Въ началѣ іюня всякій ловъ во всѣхъ водахъ, принадлежащихъ уральскому войску, совершенно прекращается до 15 августа. 15 августа начинаются осенне-зимнія рыболовства осеннимъ курхаемъ, за нимъ слѣдуетъ съ 28 сентября осенняя плавня съ одновременнымъ ей осеннимъ неводнымъ и осенними побочными ловами. Въ ноябрѣ всѣ эти рыболовства оканчиваются, и тутъ бываетъ въ главныхъ рыболовствахъ перерывъ, болѣе или менѣе продолжительный, смотря по тому, рано или поздно станетъ Уралъ; но этого промежутка почти не существуетъ между осеннимъ и зимнимъ узенскомъ ловомъ. Съ замерзаніемъ Урала начинаются багренье и зимнее неводное съ современнымъ имъ зимнимъ черхальскимъ, въ это же время начинается аханное рыболовство. Багренье и зимнее неводное оканчиваются въ первой или во второй половинѣ января, но аханное, зимнее узенское и черхальское продолжаются до 1 марта, а два послѣднія нерѣдко и того долѣе. Съ окончаніемъ осенней плавни начинаются въ различныхъ частяхъ Урала въ разные времена, смотря по окончанію главныхъ рыболовствъ, — свободные ловы, которые идутъ до послѣднихъ чиселъ марта. Изъ этого уже видно, какъ систематически распределены уральскія рыболовства по времени. Эта систематичность и, смѣю сказать, разумность устройства уральскаго рыбнаго хозяйства являются въ несравненно болѣе яркомъ свѣтѣ, если вникнуть во всю совокупность многосложныхъ его правилъ. Читая рыболовныя инструкціи В. Канцеляріи, сначала видишь только множество безсвязныхъ правилъ, въ большинствѣ которыхъ не можешь отдать себѣ никакого отчета. Прибывъ на Уралъ, уже довольно знакомый съ подробностями каспійскаго рыболовства, и прочитавъ нѣсколько описаній самаго уральскаго рыболовства, я однако же принужденъ былъ составить цѣлые листы вопросовъ и недоразумѣній о цѣли, которую могли имѣть различные пункты инструкцій.

Добиваясь разрѣшенія ихъ, какъ распросами у опытныхъ рыболововъ, такъ и розысканіями въ старыхъ дѣлахъ, гдѣ нерѣдко означены тѣ обстоятельства, изъ которыхъ возникли нѣкоторыя постановленія, — я убѣдился, что изъ всѣхъ моихъ вопросныхъ пунктовъ не было почти ни одного, который не разрѣшался бы самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Краткость этого обзора едва позволить мнѣ представить нѣсколько примѣровъ этихъ тонкостей уральскаго рыболовнаго законодательства.

Весеннія и осенне-зимнія рѣчныя рыболовства весьма существенно отличаются между собою своимъ характеромъ, и это различіе основывается на различіи въ характерѣ весенняго и лѣтне-осенняго хода рыбы въ Уралѣ. Весною рыба массами идетъ въ эту рѣку, для метанія икры, и, окончивъ это, сейчасъ же возвращается въ море. По этому, весенняя севрюжья плавня, такъ названная отъ преимущественнаго лова севрюги во время ея, — не медля въ одинъ пріемъ вылавливаетъ весь Уралъ, отъ Уральска до моря. Свойства русла въ верхней части этого пространства рѣки заставляютъ перемѣнять орудія лова у Антоновскаго форпоста (219 верстъ ниже Уральска), но это дѣлается безъ малѣйшей перемежки, такъ что собственно тутъ два рыболовства сливаются въ одно непрерывное.

Лѣтомъ съ начала іюля до половины сентября рыба поднимается въ рѣку не такими массами, какъ весною, а идетъ постепенно небольшими косяками, съ тѣмъ, чтобы лечь на ятови. Найдя себѣ удобныя мѣста, она уже ихъ не покидаетъ. Тутъ, слѣдовательно, спѣшить нечего, и Уралъ вылавливается въ нѣсколько пріемовъ по частямъ, ожидая по возможности, чтобы холода придали рыбѣ и икрѣ большую цѣнность. Отъ Каленовскаго форпоста (въ 191 верстѣ отъ Уральска) до Кандауровскаго (въ 16 вер. выше Гурьева) и отъ Гурьева до моря производится осенняя плавня въ теченіи октября и начала ноября. Въ оставленномъ промежуткѣ между Кандауровымъ и Гурьевымъ идетъ въ то же время осенній неводный ловъ, какъ болѣе удобный по мѣстности. Между тѣмъ, вся верхняя часть Урала отъ Каленовскаго форпоста до Уральска остается нетронутою; до багренья рыба какъ-бы бережется тутъ съ садкѣ, до времени, когда морозы придадутъ ей наибольшую цѣнность. Самое багренье раздѣляется, для своевременной доставки рыбы и икры къ Высочайшему двору и для удобства ловцовъ, часто довольно большими промежутками, на три части: презент-

ное, малое и большое, хотя всё они, по способу производства и употребляемымъ орудіямъ, составляютъ одинъ и тотъ же видъ рыболовства. Тутъ замѣчается, слѣдовательно, совершенная противоположность севрюжьей плавнѣ. Наконецъ, во время зимняго неводнаго рыболовства проходятъ еще разъ участки между Гурьевымъ и моремъ, потому что въ осеннюю плавню выловили тамъ только красную рыбу на знаменитой нѣкогда своимъ изобиліемъ—*Славуцкой ятови*, а черную оставили до зимы, для увеличенія ея цѣнности. Вотъ почему соединяю я въ одну группу зимнія съ осенними рыболовствами, за исключеніемъ одного аханнаго. Хотя болѣе различныя между собою по способамъ производства и орудіямъ лова, чѣмъ осеннія отъ весеннихъ, они однородны потому что основаны на лежаніи рыбы на ятовяхъ и служатъ какъ-бы продолженіемъ и дополненіемъ одно другому.

И такъ, весь порядокъ рыболовства на Уралѣ основанъ на естественныхъ условіяхъ жизни рыбъ; какое же отношеніе къ нимъ имѣетъ почти четырехъ-мѣсячный перерывъ рыболовства въ Уралѣ? Цѣль этого строго соблюдаемаго постановленія состоитъ главнѣйше въ томъ, чтобы дать время рыбѣ улечься на ятовяхъ, дабы потомъ легче ее выловить, и при томъ въ такое время, когда она будетъ имѣть гораздо большую цѣнность, чѣмъ лѣтомъ; опасности же, что она обратно уйдетъ въ море, какъ весною, въ это время болѣе не существуетъ. Съ перваго взгляда, это запрещеніе лова въ жаркое время года можетъ показаться имѣющимъ еще болѣе достоинства, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Можетъ видѣться въ этомъ рѣдкій примѣръ предусмотрительной экономической мудрости, принимающей мѣры къ тому, чтобы источникъ богатства не оскудѣлъ въ будущемъ, и жертвующей для этого частію настоящихъ выгодъ. Можно подумать, что такое запрещеніе лова съ половины и даже съ начала іюня имѣетъ цѣлью дать рыбѣ возможность выметывать икру. Такое понятіе особливо легко себѣ составить, имѣя въ виду время метанія икры красною рыбою въ Волгѣ, гдѣ оно именно происходитъ съ конца іюня по конецъ іюля. Но, вспомнивъ, что красная рыба мечетъ икру въ Уралѣ гораздо ранѣе, и съ этою цѣлью въ іюнѣ уже въ рѣку не поднимается, а главное, принявъ во вниманіе, что производство рыбной ловли на севрюжьей плавнѣ устремлено, какъ увидимъ ниже, къ тому, чтобы по возможности не пропустить ни одной рыбы, должно будетъ оставить эту лестную для предковъ нынѣшнихъ Уральцевъ мысль. Въ

установленіи правила не ловить въ лѣтніе мѣсяцы, мысль о метаніи рыбою икры не имѣла ни малѣйшаго участія уже потому, что, по теперешнимъ понятіямъ казаковъ, которыя они безъ сомнѣнія наслѣдовали отъ своихъ предковъ, красная рыба, хотя и мечетъ икру въ Уралѣ, но какъ бы случайно; по ихъ понятіямъ не здѣсь главное для этого мѣста, а въ морѣ по побережью. Да при томъ же, думаютъ они, и изъ выметанной въ рѣкѣ икры — мальковъ, т. е. дѣтенышей, не выходитъ, для чего будто бы нужно присутствіе солодковой воды взморья. Но, если бы даже казаки имѣли ясное и вѣрное понятіе о метаніи икры красною рыбою, то и въ такомъ случаѣ упущеніе части своихъ выгодъ, съ цѣлью благопріятствовать ея размноженію, было бы съ ихъ стороны не правильнымъ экономическимъ расчетомъ, а самопожертвованіемъ, несправедливостью къ самимъ себѣ, ибо они знаютъ и знали, что эта рыба не живетъ въ Уралѣ, а только на время входитъ въ него, какъ и во всѣ другія рѣки, и что, слѣдовательно, и выведшаяся въ Уралѣ рыба расходится по всему морю, а выросши поднимается безразлично по всѣмъ его притокамъ. Такимъ образомъ, имъ не могло быть неизвѣстнымъ, что своими оберегательными и охранительными мѣрами они принесли бы пользу лишь другимъ, сами участвуя въ ней въ самой ничтожной степени, и мѣняя вѣрное на невѣрное. Этого, конечно, ни требовать, ни ожидать отъ нихъ нельзя. И теперь, введеніе охранительныхъ мѣръ, которыя бы содѣйствовали расположенію красной рыбы, лишь тогда будетъ справедливо, когда будетъ распространено на всѣ притоки Каспійскаго моря.

Оцѣнимъ лучше это запрещеніе лѣтняго лова по его дѣйствительному достоинству. Для этого достаточно сказать, что давая рыбѣ время спокойно улечься на ятовяхъ, оно замѣняетъ лѣтній ловъ осеннимъ и зимнимъ, и возвышаетъ цѣну на красную рыбу отъ 1 р. 25 к. за пудъ до 2 и даже до 4 и 5 рублей, смотря по тому, оставляютъ ли ее до осенней плавни, или до багренья; на черную рыбу отъ 30 до 55 к. и до 1 р. 15 к., на икру же отъ 9 и 10 р. до 14 и до 24 р. сер. Подобнаго добровольнаго откладыванія лова съ лѣта на осень и на зиму не только не существуетъ ни въ какой другой мѣстности Каспійскаго моря, но, сколько мнѣ извѣстно, оно нигдѣ невозможно при обыкновенномъ способѣ пользованія рыбными водами. Всѣми выгодами его обязаны Уральцы своему правильному пониманію преимуществъ общественнаго поль-

зованія рѣкою. Въ самомъ дѣлѣ, владѣльцы рѣчныхъ участковъ, хотя бы и знали, что вошедшая лѣтомъ и осенью, рыба не уйдетъ уже до весны обратно въ море, все же старались бы поймать по возможности каждую рыбу, когда бы она ни проходила черезъ ихъ участокъ, ибо имъ неизвѣстно, въ чьемъ участкѣ изберетъ она себѣ мѣсто для зимняго отдыха. Какое ему дѣло до того, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ цѣна ея утроится или учетверится, если она достанется другому, а не ему?

При этомъ самъ собою представляется вопросъ: такъ какъ на багрени цѣна ловимой рыбы и добываемой икры самая высокая въ году, то по чему не замѣняетъ оно собою совершенно осенней плавни, или, по крайней мѣрѣ, почему граница между этими рыболовствами не проведена ниже Каленовскаго форпоста?— чему нѣтъ рѣшительно никакихъ физическихъ препятствій, происходящихъ отъ измѣненія въ свойствахъ рѣки, или въ образѣ лежанія рыбы на ятовяхъ. На это отвѣчать не трудно. Весьма естественно, что длинный перерывъ рыболовства лѣтомъ, продолжающійся отъ 3½ до 4-хъ мѣсяцевъ, заставляетъ казаковъ съ нетерпѣніемъ ожидать времени, когда имъ можно будетъ кое-что себѣ заработать на рыбѣ, тѣмъ болѣе, что осеннія цѣны на малосольную рыбу и икру довольно высоки. Кромѣ того, осенняя плавня доставляетъ много черной рыбы, которую багреньемъ поймать почти невозможно, а другими средствами, на пространствѣ столь обширномъ, какъ весь Уралъ отъ Уральска до моря, весьма затруднительно. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи вѣрность экономическаго разсчета Уральцевъ выдерживаетъ всякую критику. Что же касается до установленной границы между обоими рыболовствами, я позволю себѣ слѣдующее предположеніе, кажущееся мнѣ весьма вѣроятнымъ. Когда казаки жили въ окрестностяхъ Уральска, они не могли зимою далеко спускаться внизъ по Уралу, берега котораго были тогда совершенно пустынными; уже одинъ провозъ набагренной рыбы съ нижнихъ частей рѣки былъ бы затруднителенъ. Вѣроятно, мѣстность, гдѣ теперь Каленовской форпостъ, служила границею, докуда заходили казаки во время своихъ лововъ; когда же они расселились по всему Уралу, они конечно стали и ловить по всей рѣкѣ, что гораздо удобнѣе было имъ дѣлать на лодкахъ, чѣмъ сухимъ путемъ, по причинѣ трудности доставать зимою кормъ для лошадей, при тогдѣшней ненаселенности всего заволжскаго края. Такимъ, можетъ быть, образомъ Каленовскій форпостъ

сталь гранью между древнѣйшимъ уральскимъ рыболовствомъ—багреньемъ, и новѣйшимъ его распространѣнемъ осеннею плавнею.

Переходя къ частностямъ устройства отдѣльныхъ рыболовствъ, я начну съ двухъ предварительныхъ мѣръ, которыми Уральцы, такъ сказать, удерживаютъ въ своей власти всякую рыбу, зашедшую въ ихъ воды; это 1) *охраненіе уральскихъ водъ и самаго Урала отъ постороннихъ или несвоевременныхъ облововъ*, чѣмъ обезпечивается морской ловъ, входъ рыбы въ Уралъ и спокойное размѣщеніе ея по ятовямъ, и 2) *уральскій учунъ*, который, хотя не имѣетъ никакого вліянія на весенній ловъ, существенно важенъ для осенняго и зимняго, собирая исключительно въ руки уральскихъ казаковъ всю рыбу, входящую въ Уралъ лѣтомъ и осенью. Для охраненія морскихъ водъ назначаются особливые смотрители изъ офицеровъ или урядниковъ, въ распоряженіи которыхъ находится 9 разѣздныхъ лодокъ, для безпрестанныхъ разѣздовъ по всему уральскому морскому участку, для наблюденія за тѣмъ, чтобы противъ устьевъ Урала (между косами Бабинскою справа и Дуванною слѣва) никто не ловилъ даже въ дозволенное время, чтобы въ остальное время не ловили и въ прочихъ мѣстахъ, главное же, чтобы непринадлежащіе къ войскому сословію не разставляли никакихъ снастей въ уральскихъ водахъ. Съ тою же цѣлью учреждены пикеты по всему морскому берегу. Въ случаѣ поимки такихъ обловщиковъ, по закону ихъ должно доставлять къ начальнику Гурьева городка, ихъ лодки со всѣмъ находящимся на нихъ конфисковать. Разѣздные дѣйствительно строго смотрятъ за тѣмъ, чтобы Астраханцы не ловили въ уральскихъ водахъ, но съ нарушителями этого правила поступаютъ по своему. Они начинаютъ съ того, что угрожаютъ имъ доставкою къ начальству, и бьютъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не дадутъ за себя выкупа. Тогда тотчасъ же мирятся, и обѣ враждебныя партіи, казаки и Астраханцы вмѣстѣ пьютъ и гуляютъ. Къ начальству же представляютъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дракѣ случится несчастье, котораго скрыть нельзя. Случается, впрочемъ, что побѣдителями остаются и Астраханцы, которые тогда спокойно удаляются въ свои воды съ наловленною ими рыбою.

Для охраненія самаго Урала отъ лова въ запрещенное время и запрещенными снастями,—крючьями, въ каждомъ форпостѣ назначаются, изъ отставныхъ казаковъ по найму, такъ называемые *смотрители за Ураломъ*. Они-то наблюдаютъ за ходомъ рыбы

по Уралу и за тѣмъ, гдѣ, и примѣрно въ какомъ количествѣ, она ложится на ятови.

Уральскій учугъ не составляетъ самъ по себѣ орудія лова, какъ напримѣръ волжскіе и куринскіе, ибо передъ нимъ не лежатъ ряды веревокъ съ привязанными къ нимъ крючьями. Онъ состоитъ изъ ряда свай, отстоящихъ одна отъ другой сажени на $1\frac{1}{2}$, съ привязанной къ нимъ съ наружной стороны рѣшеткою изъ круглыхъ шестовъ, около вершка въ діаметрѣ, называемою *кошакомъ*. Воротъ въ учугѣ этомъ нѣтъ никакихъ; но за то на зиму онъ совершенно разбирается, и устраивается вновь не ранѣе первыхъ чиселъ іюля. Съ наступленіемъ морозовъ, въ концѣ октября или началѣ ноября, снимается кошакъ, а когда рѣка уже крѣпко замерзнетъ, выдерживаются и сваи. Не ранѣе половины іюня, когда у Уральска рѣка войдетъ уже въ свои берега, приступаютъ къ постройкѣ учуга, которая оканчивается не ранѣе первыхъ чиселъ іюля. По этому учугъ этотъ никакого вліянія на весеній ловъ не имѣетъ и не можетъ препятствовать ходу рыбъ для метанія икры. Онъ служитъ только къ тому, чтобы не пропускать, вошедшую лѣтомъ или осенью въ Уралъ, рыбу изъ той его части, которая принадлежитъ уральскому войску, чтобы она не могла внѣ ея искать себѣ ятовыхъ мѣстъ.

Во всѣхъ уральскихъ рыболовствахъ могутъ участвовать всѣ казаки, служащіе и отставные, находящіеся на лицо, т. е. проживающіе въ Землѣ уральскаго войска, въ нѣкоторыхъ рыболовствахъ только лично, въ другихъ же и по довѣренностямъ. Не могутъ же участвовать въ нихъ всѣ казаки, находящіеся на дѣйствительной службѣ, хотя бы и внутри Земли уральскаго войска. Чтобы это было понятно, надо знать, какимъ образомъ несется служба уральскими казаками, сохранившими и въ этомъ свои древніе обычаи. Всякій казакъ, которому минетъ 18 лѣтъ, считается на службѣ, и несетъ ее 25 лѣтъ; но дѣйствительно служатъ, конечно, не всѣ, а лишь сколько того требуетъ надобность. Въ это число назначаются казаки не по очереди, какъ въ другихъ казацкихъ войскахъ, а сами поступаютъ по добровольному найму. Ежели, напримѣръ, требуется на дѣйствительную службу четвертая часть всѣхъ, считающихся служащими, то трое изъ нихъ нанимаютъ четвертаго по вольнымъ цѣнамъ, причемъ берется во вниманіе трудность и вѣроятная продолжительность предстоящей службы, такъ что иные получаютъ иногда до 2,000 р. ассигнад.

Такимъ образомъ, одинъ исполняетъ служебную обязанность натурою, и за то получаетъ деньги съ остающихся; а эти послѣдніе несутъ свою службу деньгами и, за это, пользуются выгодами отъ рыболовства. Наемка эта относится впрочемъ къ однимъ рядовымъ. Офицеры и даже урядники не могутъ пользоваться ея выгодами, и потому, если находятся на лицо въ войскѣ, и не удерживаются обязанностями службы, имѣютъ право участвовать во всѣхъ рыболовствахъ, при которыхъ пользуются даже, по справедливости, значительными преимуществами. Отставными называются тѣ, которымъ окончился 25 лѣтній срокъ, все равно, были ли они или не были на дѣйствительной службѣ; они могутъ участвовать въ рыболовствахъ, но съ нѣкоторыми ограниченіями въ правахъ. Такъ, напримѣръ, на Курхалхъ они выставляютъ меньшее число сѣтей, чѣмъ служащіе казаки; на багреньи, для участія въ которомъ каждый долженъ имѣть билетъ — въ уральскомъ переводѣ *печатку*, — билетъ этотъ для служащихъ даровой, тогда какъ отставные должны платить за него по 3 р. сер. Изъ такимъ образомъ собираемыхъ денегъ, часть, — именно 4.285 р. 71⁵/₇ к. (15.000 асс.), идетъ на вознагражденіе тѣхъ должностныхъ лицъ, которымъ служебныя обязанности не позволяютъ участвовать въ этомъ, какъ его нѣкогда называли, *первомъ и наилучшемъ промыслѣ*, — *багреньи*. Общинное пользованіе, такимъ образомъ, составляетъ, и въ дѣйствительности, и въ понятіяхъ казаковъ, матеріальное основаніе ихъ государственныхъ повинностей, точно такъ, какъ для крестьянъ земля, распредѣляемая между членами сельскихъ общинъ. Но, по крайней мѣрѣ относительно казацкой общинной собственности, можно съ увѣренностью сказать, что несомая въ пользу государства повинность лишь освятила коренной исконный обычай, но конечно не вызвала его.

Чтобы представить въ краткомъ очеркѣ всѣ особенности уральскихъ рыболовствъ, мы раздѣлимъ ихъ по тѣмъ орудіямъ, которыми они производятся, ибо ими главнѣйше опредѣляется характеръ производства. Мы можемъ это сдѣлать, потому что предварительно изложили тотъ порядокъ, въ которомъ они слѣдуютъ одно за другимъ въ теченіи года. Такимъ образомъ получается четыре разряда рыболовствъ: 1) производимыя плавными сѣтями, 2) неводами, 3) баграми, и наконецъ 4) сплавными сѣтями.

Плавныхъ рыболовствъ два: *весеннее севрюжье* и *осеннее плав-*

ное. Первое производится на протяженіи всего Урала; отъ Уральска до моря, и въ самомъ морѣ передъ устьями Урала—единственное исключеніе въ году, когда дозволенъ ловъ въ этомъ заповѣдномъ пространствѣ дней на десять или на двѣ недѣли; второе отъ Каленовскаго (191 вер. ниже Уральска) форпоста до Кандауровскаго (16 верстъ выше Гурьева) и отъ Гурьева до моря. Эти два рыболовства, поприще которыхъ Уралъ на значительной части своей длины, въ чемъ съ ними сходствуется еще багренье,—имѣютъ ту особенность, что производятся по рубежамъ. Для того, чтобы главная масса рыбачущаго войска, или такъ называемая *тромада*, двигалась стройно и правильно, назначены границы, отъ куда и до куда можно плавать въ теченіи одного дня, и такимъ образомъ отъ рубежа къ рубежу проходитъ весь Уралъ. Кромѣ сохраняемаго порядка, черезъ это никто не можетъ себѣ выбирать особливо выгодныхъ для лова, подмѣченныхъ имъ, мѣстъ, и тѣмъ наносить прочимъ ущербъ. Къ тому же, систематичность лова, доходящая въ извѣстныхъ случаяхъ до строгости военной дисциплины, обуславливаетъ болѣе полный выловъ рыбъ, чѣмъ безпорядочный ловъ.

Эти же рѣчные рыболовства, производимыя по рубежамъ, т. е. обѣ плавни и багренье, имѣютъ еще ту особенность, что на нихъ никто не можетъ имѣть даже въ работникахъ—иногородняго, т. е. не принадлежащаго къ казачьему сословію.

Какъ, вообще, начало и окончаніе каждаго рыболовства въ цѣломъ строго опредѣлены, такъ и каждый день подается сигналъ, болѣею частію выстрѣломъ изъ пушки, къ началу лова съ рубежа. До этого времени, всѣ бударки должны стоять на самарскомъ берегу въ линіи и, по данному знаку, вталкиваются въ воду. Ловъ производится на весенней плавнѣ отъ Антоновскаго форпоста плавными сѣтями, выше же и во время всей осенней плавни—ярыгами. Плавная сѣть состоитъ изъ двухъ полотентъ, передняго болѣе рѣдкаго, которое туго натянуто, и задняго болѣе частаго, которое на слаби. Длина ихъ 32 сажени; за одинъ конецъ держать ее на веревкѣ сидящій въ бударкѣ ловецъ, другой же прикрѣпленъ къ поплавку, который поддерживаетъ верхній край сѣти на водѣ. Ярыга есть мѣшокъ изъ сѣти, сшитый до половины такъ, что остаются два свободныхъ крыла, верхнее и нижнее. Ярыги—не болѣе 7 сажень длиною. Веревки отъ обоихъ концовъ—въ рукахъ ловцовъ, сидящихъ каждый въ свой бударкѣ. Они

усиленную греблю подвигаются впередъ, и тянуть ярыгу какъ раскрытую пасть.

На севрюжьей плавнѣ всѣ ловятъ на пространствѣ рубежа въ разбродѣ, ибо и сама рыба въ это время разбрелась по всему Уралу и разливамъ его; съ плавною сѣтью даже и невозможно сильно грести, надо только слѣдовать за теченіемъ. На первой половинѣ этой плавни, когда ловятъ ярыгами, казаки стараются, правда, обгонять другъ друга, въ надеждѣ, что впереди прочихъ ловъ изобильнѣе, но расчетъ этотъ не всегда вѣренъ. Такому лову, а также и теплomu времени года, не позволяющему беречь рыбу, не посоливши ее скоро, соответствуетъ и способъ продажи. Купцы, иногородніе или изъ казаковъ, также разсѣяны по всему берегу, и кто что поймаетъ, сейчасъ же спѣшитъ продать.

Совершенно другую картину представляетъ осенняя плавня. Во время ея рыба уже улеглась по ятовямъ, мѣста которыхъ напередъ извѣстны. Собственно на нихъ только и ловятъ. Поэтому, для возможнаго уравниванія шансовъ улова, онъ производится съ удара. Когда бударки уже въ водѣ, рыболовный атаманъ ведетъ ихъ до нѣкотораго разстоянія отъ ятови гурьбою, такъ сказать колонною, не позволяя никому заходить впередъ своей лодки. Когда начальникъ отплываетъ въ сторону, начинается перегонка. Всякій гребетъ съ величайшимъ напряженіемъ силъ. Бывали случаи, что здоровые, сильные и привычные къ работѣ казаки загребались до обморока. Здѣсь цѣль каждаго уже не просто обогнать товарищей, въ надеждѣ, довольно вѣроятной, однако нерѣдко ошибочной, что ловъ впереди другихъ будетъ обильнѣе, — а достигнуть изъ первыхъ ятови, гдѣ скопилась рыба, съ вѣрнымъ расчетомъ какъ можно болѣе изъ нея вычерпать до прихода прочихъ. Когда одна ятовъ выловлена, на пути къ слѣдующей казаки опять гребутъ въ перегонку, т. е. по ихъ выраженію, дѣлаютъ второй ударъ. Тутъ, очевидно, некогда продавать свою добычу и торговаться съ купцами, да и нечего спѣшить; холодная погода позволяетъ сохранять рыбу не посоленную около сутокъ. Наконецъ, сама усиленная работа требуетъ отдыха. Поэтому, на осенней плавнѣ черезъ день назначаются дневки, во время которыхъ бываетъ базаръ для продажи пойманнаго наканунѣ.

На обѣихъ плавняхъ сзади войска или громады происходитъ другой ловъ, частію плавными же сѣтями, частію неводами, какъ для того, чтобы подобрать ускользнувшее отъ передовыхъ лов-

цовъ, такъ и для лова черной рыбы, которой мало попадаетъ въ плавныя сѣти, а особливо въ ярыги.

Здѣсь у мѣста будетъ сказать нѣсколько словъ объ одной изъ тѣхъ тонкостей уральскихъ рыболовныхъ постановленій, о которыхъ я упоминалъ выше.

Во время осенней плавни не положено времени, когда дневной ловъ долженъ оканчиваться; тогда какъ на собственно севрюжьей плавнѣ, въ два часа пополудни, выстрѣломъ изъ пушки подается сигналъ къ прекращенію лова и къ вытаскиванію бударокъ на берегъ. Такое постановленіе сдѣлано въ пользу рыбачущихъ сзади войска. Весною рыба на ходу, и иной косякъ, боясь шума, необходимо сопровождающаго ловъ на нѣсколькихъ тысячахъ бударокъ, не переходитъ нижняго рубежа пока продолжается ловъ; но съ прекращеніемъ его косяки эти трогаются и идутъ вверхъ. Если бы главный ловъ продолжался до ночи, то эти косяки ускользнули бы за ночь и отъ заднихъ ловцовъ. Теперь же, когда въ два часа задніе начнутъ свой ловъ съ верхняго рубежа, у нижняго все уже спокойно; косяки трогаются, и случается, что задніе ловятъ успѣшнѣе переднихъ. Ничего подобнаго нѣтъ на осенней ловнѣ. Тогда ниже рубежа рыба спокойно лежитъ на ятовяхъ и поэтому заднимъ ловцамъ нѣтъ никакой выгоды, чтобы передніе рано оканчивали свой ловъ. Такихъ примѣровъ, изъ однихъ отношеній главнаго лова къ производящемуся сзади его, я могъ бы привести нѣсколько; но это заняло бы слишкомъ много времени. Скажу только, что на обѣихъ плавняхъ все установлено такъ, чтобы по возможности уравнивать для всѣхъ шансы улововъ. Здѣсь приняты во вниманіе интересы и тѣхъ, которымъ, по различнымъ обстоятельствамъ, нельзя участвовать въ главномъ ловѣ, и притомъ, тѣмъ изъ нихъ, которые ловятъ въ верхнихъ частяхъ рѣки, гдѣ рыбы менѣе изобильно, предоставлены передъ прочими нѣкоторыя преимущества; одно изъ нихъ нѣтъ, на примѣръ, — дозволеніе ловить выше Янайскихъ хуторовъ (60 вер. ниже Уральска), во все время севрюжьей плавни, неводами, запрещенными въ это рыболовство на всемъ остальномъ пространствѣ.

При всемъ моемъ уваженіи, иные, можетъ быть, скажутъ пристрастіи, къ уральскому казачеству, а главное къ устройству ихъ рыболовства, я не могу не сказать, что Уралъ содѣйствуетъ не въ примѣръ менѣе всѣхъ прочихъ значительныхъ притоковъ Каспійскаго моря — къ поддержанію общаго запаса въ немъ красной

рыбы, далеко не соотвѣтственно той долѣ, въ которой онъ участвуетъ въ общемъ выловѣ, такъ что на уральскомъ рыболовствѣ пропорціонально болѣе, чѣмъ на прочихъ, лежитъ вина уменьшенія красной рыбы въ Каспійскомъ морѣ, и вина эта исключительно падаетъ на способъ производства весенней плавни. Не смотря на отдаленность мѣстъ, удобныхъ для метанія икры красною рыбою, нѣтъ сомнѣнія, что она подымалась бы до нихъ, если бы тому не препятствовалъ способъ производства этого рыболовства. Оно производится столь стройно и систематически, что рѣдкая рыба проходить сквозь движущуюся, хотя и не непрерывную стѣну сѣтей. Здѣсь приняты всѣ мѣры, чтобы ни одна рыба, если возможно, не ускользнула отъ ловцовъ, чтобы вычерпать изъ Урала всю рыбу до-чиста. Въ иной годъ до 2.000 и болѣе бударь, со столькими же сѣтьми, дружно встрѣчаютъ всякій косякъ, поднимающійся по Уралу, и ежели въ какой нибудь части рѣки уловъ хорошъ, проходятъ тотъ рубежъ еще разъ. Рыба, ускользнувшая отъ главной массы севрюжниковъ, попадаетъ въ сѣти рыбачущихъ непосредственно вслѣдъ за ними, или къ тѣмъ, которые ловятъ, оставаясь на своихъ форпостахъ. Наконецъ, отъ Янайскихъ хуторовъ вверхъ до Уральска собираютъ уже неводами то, что могло туда проскользнуть. Это можетъ служить убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ тому, что только способъ употребленія какого-либо рыболовнаго орудія, а не оно само по себѣ, бываетъ вреднымъ для рыболовства, препятствуя ходу рыбы. Такъ, невинныя плавныя сѣти и ярыги въ Уралѣ гораздо полнѣе достигаютъ своей цѣли—вылавливать все что есть, чуть не до-чиста, чѣмъ, напримѣръ, на Курѣ самыя учуги, съ лежащими передъ ними порядками столь сильно обвиняемыхъ крючьевъ, ибо выше ихъ ловится тамъ ежегодно только въ три лѣтніе мѣсяца болѣе 10.000 осетровъ и шиповъ и 55.000 севрюгъ; тогда какъ выше Уральскаго учуга налавливаютъ всей красной рыбы не болѣе 1,000 штукъ въ круглый годъ.

Однако, все мое обвиненіе не походить ли скорѣе на похвалу, и я боюсь, что оно будетъ имѣть видъ реторической фигуры уступленія. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя обвинить Уральцевъ въ невѣжествѣ, равнодушномъ къ предмету ихъ главныхъ занятій, за то, что имъ не были извѣстны истинныя условія метанія икры красною рыбою, неизвѣстныя никому до изслѣдованія г. академика Бѣра на Каспійскомъ морѣ; или въ жадности, за то, что не ввели у себя такой охранительной мѣры, которая приносила бы пользу

не имѣ, а прочимъ каспійскимъ рыболовамъ,—мѣры, не могущей составлять предмета частнаго рыболовнаго хозяйства, хотя бы оно производилось въ столь обширныхъ размѣрахъ, какъ уральское,—а только хозяйства всего Каспійскаго моря, устройство котораго при настоящихъ условіяхъ можетъ зависѣть только отъ правительства. Не достоинство ли въ самомъ дѣлѣ — организація лова столь правильная и систематическая, что при ней самыми обыкновенными средствами достигаются результаты, превосходящіе все, до чего достигаютъ въ другихъ мѣстахъ орудіями болѣе усовершенствованными?

Второй разрядъ рыболовствъ—ловы неводные раздѣляются на обыкновенные и подледные; изъ значительныхъ рыболовствъ къ первымъ принадлежатъ: осеннее неводное, осеннее узенское и весеннее черхальское; ко вторымъ: зимнее неводное, зимнее черхальское и ловъ въ заборныхъ старѣцахъ.

На всѣхъ неводныхъ ловахъ, хотя бы они производились въ самомъ Уралѣ, дозволяется имѣть работниковъ изъ иногороднихъ: простымъ казакамъ и урядникамъ, по одному,—чиновникамъ же: оберъ-офицерамъ по два, а иногда по три, а штабъ-офицерамъ по три, а въ иныхъ рыболовствахъ по четыре.

Для примѣра обыкновенныхъ неводныхъ лововъ, мы возьмемъ—самое значительное изъ этихъ рыболовствъ: *осеннее неводное*. Оно начинается 10-ю и окончивается 7-ю днями позже осенней плавни, и производится на небольшомъ пространствѣ по Уралу, верстѣ на 20 выше Гурьева. Это, какъ бы вставка въ осеннюю плавню, учрежденная потому, что въ этомъ промежуткѣ Урала нѣтъ ятовей съ красною рыбою, черную же гораздо удобнѣе ловить неводами.

Не каждый казакъ имѣетъ свой собственный неводъ. Нѣкоторые имѣютъ одинъ, сообща имъ принадлежащій, другіе же пристають къ хозяевамъ неводовъ, на извѣстныхъ, опредѣленныхъ уральскими рыболовными постановленіями, условіяхъ. Такимъ образомъ составляются неводныя артели. Всѣ неводныя артели расписываются *по пескамъ*, т. е. по отмелымъ мѣстамъ берега, на которыя удобно вытягивать невода. Этихъ песковъ здѣсь, на пространствѣ осенняго неводнаго лова, болѣе 20, и всѣ они имѣютъ свои названія. Партія, пришедъ на свой песокъ, мечетъ жеребьи о порядкѣ закидыванія неводовъ. Каждая артель, желая закинуть свой неводъ какъ можно большее число разъ, торопитъ свою предшественницу, и начальнику этого рыболовства строго предписано

слѣдить за безостановочнымъ ходомъ неводовъ, взыскивая съ тѣхъ, которые будутъ обличены въ умышленно-медленной тягѣ. Поэтому, для большей быстроты, употребляются на этомъ рыболовствѣ невода небольшіе и безъ такъ называемой мотни. Двое сутокъ (кромѣ ночей) тянутъ безостановочно, на третью дѣлается отдыхъ для посолоа и дѣлежа рыбы, послѣ чего переметываютъ жребій, чтобы перемѣнить порядокъ тяги и тѣмъ, по возможности, для всѣхъ уравнять шансы улововъ.

Если рыба ускользнетъ отъ неводовъ, тянущихъ на одномъ пескѣ, она попадаетъ въ руки партіи, рыбачущей на другомъ; если же пройдетъ чрезъ верхнюю или нижнюю грань всего пространства, на которомъ производится осенній неводной ловъ,—то или сдѣлается добычею плавичей, или останется на долю промысляющихъ зимнимъ неводнымъ ловомъ. Но на этомъ послѣднемъ рыболовствѣ, производимомъ отъ Гурьева до моря, по рукавамъ, развѣтвившагося съ этого городка, Урала, рыба, ускользнувшая въ верхъ или въ море, гдѣ въ то время не производится лова, по крайней мѣрѣ неводнаго, которымъ только и можно поймать много черной рыбы, совсѣмъ бы ушла изъ рукъ казаковъ.

Въ предупрежденіе этого, и по причинѣ медленности подледной тяги, дающей рыбѣ много средствъ укрыться отъ угрожающей ей опасности, на зимнемъ неводномъ рыболовствѣ перегораживаютъ каждый изъ 5 участковъ, на которые оно раздѣляется, по числу рукавовъ Урала, переставами на верхней и на нижней грани каждаго участка. Слѣдовательно, ловъ въ каждомъ участкѣ производится какъ бы въ сажалкѣ, и его вылавливали бы до послѣдней рыбки, если бы рыба, въ небольшомъ конечно числѣ, не могла спастись, прижимаясь къ ярамъ. Всѣ рыбачущіе на немъ казаки росписываются по участкамъ, и въ каждомъ участкѣ по неводнымъ артелямъ. Такъ какъ каждый участокъ занимаетъ пространство въ нѣсколько верстъ, то всѣ невода тянутся разомъ, а не по очереди. Здѣсь каждая тяга продолжается трое сутокъ денно и ночью; послѣ чего дѣлается дневка для дѣлежа добычи.

Зимній черхальскій ловъ замѣчателенъ огромными размѣрами употребляемыхъ на немъ неводовъ, которые, имѣя 5 сажень ширины, доходятъ до $2\frac{1}{2}$ верстъ длины. Изъ 12 неводовъ, бывшихъ на этомъ озерѣ въ 1852 году, самый большій имѣлъ 1,600, а самый меньшій 1,000 маховыхъ сажень длины. Такіе невода закидываются съ середины озера, верстахъ въ 7 отъ берега, къ ко-

торому тянутся лошадьми, припряженными къ воротамъ. Въ трое сутокъ едва успѣваютъ вытягивать одинъ неводъ. — Тяга можетъ быть успѣшною лишь тамъ, гдѣ ледъ сталъ на озерѣ гладко. Весьма любопытно какъ поступаютъ при этомъ казаки: чтобы уравнивать выгоды лова, сдѣлать выгоды лова для всѣхъ одинаковыми, они измѣряютъ веревками вокругъ всего озера тѣ мѣста берега, противъ которыхъ ледъ гладокъ, и всѣ эти удобныя мѣста дѣлятъ такъ, чтобы на каждыя 100 сажень совокупной длины всѣхъ неводовъ приходилось по участку ровной длины, и мечутъ жеребій о мѣстахъ для каждаго невода.

Наконецъ надо упомянуть и о запорныхъ ловахъ, потому что они представляютъ единственное исключеніе изъ правила, что всѣ воды, принадлежащія Уральцамъ, составляютъ нераздѣльную собственность всего войска. — Во время разлива Урала, пока вода не начала еще сбывать, по всему заливному пространству имѣетъ право ловить всякій, участвующій въ главномъ или въ заднемъ севрюжемъ плавномъ рыболовствѣ; въ это время еще нельзя дѣлать никакихъ запоровъ. Полоусыя старицы также всегда остаются свободными отъ всякихъ запоровъ, и вылавливаются одновременно съ главною трубою Урала. Только тѣ старицы и вообще всякаго названія водовмѣстилища, которыя имѣютъ одно соединеніе съ Ураломъ, могутъ быть запираемы съ разрѣшенія Войсковой Канцеляріи съ того времени, какъ полая вода пойдетъ на убыль, дабы зашедшая туда рыба не ушла обратно въ Уралъ. Эти послѣднія раздѣляются на два разряда: одни составляютъ общую собственность всего войска, — это по большей части старицы, недавно перешедшія, пересыханіемъ одного изъ устьевъ, изъ полуусыхъ въ запорныя; другія же составляютъ частную собственность одного или нѣсколькихъ форпостовъ, въ дачахъ которыхъ они находятся. — Свободныя запорныя старицы могутъ запирать, а слѣдовательно и ловить въ нихъ, всѣ желающіе; принадлежащіе же къ нѣкоторымъ форпостамъ могутъ запирать лишь казаки этихъ форпостовъ. Если эти послѣднія остаются незапертыми, то казаки каждаго форпоста ловятъ въ участкѣ, лежащемъ въ его дачахъ; если же казаки только одного изъ форпостовъ, которымъ сообща принадлежитъ старица, запрутъ ее, то одни они и могутъ ловить въ ней.

Весною, желающіе запирать старицы подаютъ прошеніе въ Войсковую Канцелярію, а она извѣщаетъ объ этомъ начальниковъ

тѣхъ форпостовъ, въ дачахъ которыхъ эти старицы находятся, для объявленія всѣмъ жителямъ ихъ, чтобы желающіе участвовать въ предстоящемъ зимнемъ ловѣ записывались не позже окончанія севрюжьей плавни.

Всѣ расходы на заборы должны быть дѣлаемы съ вѣдома форпостныхъ начальниковъ, дабы устраивающіе не могли потомъ объявить ихъ стоящими дороже дѣйствительнаго.

Способы раздѣла добычи на неводныхъ ловахъ чрезвычайно разнообразны, и лучше всего высказываютъ духъ справедливости, господствующій въ уральскомъ рыболовномъ законодательствѣ; но мы отложимъ ихъ изложеніе до того мѣста, гдѣ будемъ говорить о распредѣленіи улова между казаками на всѣхъ рыболовствахъ, а теперь будемъ продолжать говорить о различныхъ способахъ добыванія рыбы.

Багренье, составляющее исключительную особенность уральскаго рыболовства, производится, подобно плавнямъ, по рубежамъ, и ежедневно начинается по данному сигналу.

Все пространство ятови, рѣдко болѣе версты длиною и въ 50 сажень шириною, въ нѣсколько минутъ изрѣшечать прорубями (около $\frac{1}{2}$ аршина въ діаметрѣ). Каждый казакъ, а ихъ бываетъ до 7,000 и болѣе человѣкъ, спускаетъ въ прорубь багоръ, иногда сажень въ 10 длиною, у конца котораго навязаны гири, чтобы его не относило водою и чтобы багоръ всегда оставался въ вертикальномъ положеніи, и слегка двигаетъ имъ съ верху въ низъ. Рыба сама попадаетъ на багры, которыми не колютъ, а подцѣпляютъ ее. Такой ловъ, очевидно, возможенъ только при большомъ скопленіи рыбы въ одномъ мѣстѣ, какъ это бываетъ на ятовяхъ, и при большомъ числѣ ловцовъ, такъ чтобы при малѣйшемъ движеніи ей почти нельзя бы было не попасть на этотъ или на другой багоръ. Разбагривъ одну ятовъ, отправляются на слѣдующую, но уже берегомъ съ своими санями, и такъ до конца рубежа, гдѣ, между тѣмъ, передъ началомъ лова разставляютъ поперекъ всего Урала переставы изъ сѣтей, чтобы рыба, ускользнувшая отъ багровъ, въ нихъ попадала. И на багреньи, казаки, вѣрные своему обычаю, соединяются въ артели отъ 6 до 15 человѣкъ, какъ для взаимной помощи при ловѣ, когда на примѣръ посчастливится подцѣпить бѣлугу или осетра въ нѣсколько пудовъ, такъ и для

уравненія шансовъ улова, ибо артели пойманное ими по большей части дѣлятъ поровну между своими членами, но это не обязательно.

Багренье составляетъ любимый промыселъ Уральцевъ, какъ по воспоминаніямъ прежняго, когда случалось вытаскивать изъ одной проруби до 40 рыбъ, такъ и по доступности его, даже и для самыхъ бѣдныхъ, ибо онъ не требуетъ ничего, кромѣ багра, саней и нѣскольکو-дневнаго запаса овса для лошади; главное же, потому, что тутъ, болѣе чѣмъ на всякомъ другомъ рыболовствѣ, играютъ роль счастье и случай. Это своего рода лотерея, въ которой счастливому удастся иногда въ четверть часа получить до сотни рублей.

Раздѣленіе багренья на большое и малое, изъ которыхъ первое продолжается обыкновенно 5 дней, а второе 8, съ промежуткомъ 10 дней между ними, существуетъ единственно въ уваженіе трудности поднять нужное на все время количество хлѣба и овса. Что касается до презентнаго багренья, продолжающагося всего одинъ день и производящагося на одной, или, въ случаѣ малаго улова, на нѣсколькихъ ближайшихъ къ Уральску ятовяхъ, для доставленія рыбы и икры къ Высочайшему двору, то это старинный обычай, ведущій свое начало съ первыхъ временъ заселенія казаками Урала, какъ бы въ знакъ ихъ подданства московскому царю.

Къ послѣднему разряду рыболовствъ,—производимому плавными сѣтями, принадлежатъ только морскіе ловы: два курхайскихъ, весенній и осенній, и подледный аханний.

Такъ какъ ловъ въ морѣ противъ устьевъ Урала строго запрещенъ, какъ могущій препятствовать входу рыбы въ рѣку; то для производства морскихъ рыболовствъ назначаются грани, такъ называемыя бакенныя линіи, справа и слѣва уральскихъ устьевъ, означаемыя кольями, а на большой глубинѣ пловучими знаками—бакенами. Между этими линіями остается заповѣдное пространство верстъ въ 70 или 80 шириною. На аханномъ ловѣ эти линіи между собою сближаются и заповѣдное пространство суживается. Кромѣ этихъ двухъ линій проводится еще третья вдоль западной границы уральскихъ морскихъ водъ.

Эти три линіи составляютъ три участка, на которыхъ распиваются казаки, желающіе участвовать въ курхайскихъ ловахъ. Вдоль этихъ линій выставляются ставныя сѣти въ три ряда, обра-

зующія какъ бы три параллельныя стѣны, впрочемъ не сплошныя, ибо между каждыя двумя стѣтами остается промежутокъ, приблизительно въ сажень. Сама же ставная курхайская стѣть имѣетъ отъ 10 до 12 сажень въ длину, и отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ аршинъ въ ширину. Онѣ прикрѣпляются ко двѣмъ кольямъ. Число стѣтей, которое казакъ имѣетъ право выставить, различно по чинамъ, и по тому, служащій онъ или отставной, и измѣняется отъ 9 до 48 (т. е. отъ 3 до 16 въ линію). Самое большое число стѣтей, именно 80, имѣютъ право выставять рыболовные атаманы—т. е. начальники участковъ,—помощники же ихъ 40.

Росписавшись по участкамъ, казаки соединяются въ артели. Число лицъ, составляющихъ артель, ограничено, такъ, чтобы въ совокупности они имѣли право на выставку не болѣе 100 стѣтей, или, что тоже самое, занимали бы не болѣе 450 сажень въ линію. Такъ какъ не всѣ мѣста равно уловисты, то мечутъ жеребьи для размѣщенія артелей, которыя и выставляютъ свои стѣты въ порядкѣ доставшихся имъ нумеровъ. Жеребьи называются полными, если достанутся полнымъ артелямъ, т. е. имѣющимъ право на выставку 100 стѣтей, неполными, если достанутся меньшимъ артелямъ, и одиночными, если ихъ получаютъ казаки, не приписавшіеся ни къ какой артели, что впрочемъ весьма рѣдко случается. Отъ этого жеребьеваго порядка освобождены лишь начальники участковъ и ихъ помощники, которые выбираютъ себѣ мѣста по желанію. Мѣста эти конечно самыя лучшія и такъ постоянны, что составляютъ какъ бы живыя урочища, слывущія между казаками подъ именемъ *атаманскихъ мѣстъ*. Вообще же, хорошими мѣстами считаются ближайшія къ берегу, — какъ по большому улову, такъ и потому, что для лова на малой глубинѣ не нужно имѣть дорого-стоющихъ, большихъ и исправныхъ лодокъ. Можетъ случиться, что артелямъ, получившимъ послѣдніе нумера, не останется уже мѣста въ бакенныхъ линіяхъ; тогда они идутъ на такъ называемыя вольныя воды, т. е. въ пространства сзади бакенныхъ линій. (Линія вдоль западной границы уральскихъ владѣній, по невыгодности въ ней лова, въ послѣдніе годы не выбивалась и причислялась къ вольнымъ водамъ). Туда же идутъ и получившіе мѣста на бакенныхъ линіяхъ, но уже на большой глубинѣ, для лова на которой не имѣютъ пригодныхъ лодокъ. Набонецъ въ вольныхъ водахъ ловятъ и получившіе хорошія мѣста въ бакенныхъ линіяхъ, но имѣющіе много лишнихъ стѣтей и ло-

докъ, которыя желаютъ употребить въ дѣло; ибо въ этихъ водахъ число выставляемыхъ сѣтей и направленіе ихъ совершенно произвольны, — и на курхайскихъ ловахъ число работниковъ, даже изъ иногороднихъ, не ограничено.

Повидимому, и на этомъ рыболовствѣ все очень хорошо устроено, но, вникнувъ въ дѣло, откроется, что оно представляетъ обширнѣйшее поле для злоупотребленій и что интересы большинства тутъ принесены въ жертву немногимъ богатымъ казакамъ.

1) Участные начальники выставляютъ въ нѣсколько разъ большее число сѣтей, чѣмъ то, на которое имѣютъ право. На багреньи и на осенней плавнѣ такихъ злоупотребленій не замѣчается, потому что по самому устройству этихъ рыболовствъ они невозможны. Начальники ихъ пользуются только рыбою, попадающею въ переставы или ряды крючьевъ, разставленныхъ у нижняго рубежа, какъ это имъ дозволено, и больше ничѣмъ.

2) Артели, составляемыя казаками, бываютъ двухъ родовъ: одни истинно-товарищескія въ видахъ взаимной выгоды своихъ членовъ, какъ на примѣръ потому, что нѣсколько казаковъ имѣютъ одну общую морскую лодку и т. п. Другія же суть, такъ сказать, артели номинальныя, составляемыя богатыми казаками, чтобы, подъ видомъ ихъ, занять своими собственными сѣтями какъ можно болѣе пространство вдоль бакеновъ. Они нанимаютъ себѣ бѣдныхъ казаковъ въ работники, составляя съ ними какъ бы товарищество, въ которомъ однако, въ сущности, одинъ полновластный хозяинъ, прочіе же получаютъ не долю изъ добычи, а уговорную плату; или они скупаютъ у казаковъ, имѣющихъ право участвовать въ ловѣ, но не желающихъ этого, или неимѣющихъ на это средствъ, довѣренности, которыми они имъ поручаютъ ловить за себя.

О размѣрахъ, въ которыхъ производился этотъ ловъ по довѣренностямъ, можно судить изъ слѣдующаго примѣра: въ 1849 году въ 1 участкѣ весенняго Курхая на 325 дѣйствительно участвовавшихъ казаковъ было 265 участвовавшихъ по довѣренностямъ и передавшихъ, такимъ образомъ, въ руки немногихъ богатыхъ по крайней мѣрѣ 1,590 сѣтей, или болѣе 14 верстъ пространства вдоль бакенной линіи.

На это можно возразить: что за бѣда, если богатые нанимаютъ бѣдныхъ въ работники? Бѣда въ томъ, — что значить, бѣдные поставлены по устройству этого рыболовства въ такое положеніе,

что не имѣють возможности иначе пользоваться своимъ общиннымъ достояніемъ, какъ въ видѣ заработной платы, чего не бываетъ, какъ мы видѣли и скоро еще подробнѣе увидимъ, ни на одномъ изъ прочихъ рыболовствъ.

3) Богатый казакъ, хозяинъ многихъ номинальных артелей, имѣетъ много шансовъ получить одинъ или нѣсколько хорошихъ нумеровъ; получивъ ихъ, онъ приписываетъ на нихъ полные жеребья и переводитъ своихъ довѣрителей или работниковъ, тогда какъ, по правилу, артели должны имѣть опредѣленный составъ еще до метанія жеребьевъ. Понятно, что этимъ отнимается много хорошаго мѣста у прочихъ.

4) Ресурсъ вольныхъ водъ какъ бы вовсе не существуетъ для бѣдныхъ, которые въ немъ наиболѣе нуждаются, ибо, получивъ жеребья на глуби, поневолѣ должны туда отправляться. Такъ какъ рыба въ этихъ водахъ не идетъ столь густо, какъ у бакенныхъ линій, то въ нихъ выгодно ловить выставляя лишь длинный рядъ сѣтей, число которыхъ здѣсь не ограничено, на что бѣдные не имѣють средствъ. Къ тому же, богатые, имѣя большія лодки, могутъ своими сѣтными порядками перехватывать рыбу на пути къ побережью, такъ что рыбачущимъ на небольшихъ лодкахъ приходится ловить въ пространствѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ рядами ставныхъ сѣтей. Это всего очевиднѣе доказывается слѣдующимъ примѣромъ: въ теченіи 5 лѣтъ, и въ тѣхъ участкахъ, за которые у меня есть всѣ нужныя для подобныхъ выводовъ данныя, ловили въ вольныхъ водахъ 31 казакъ, выставляя каждый по 518 сѣтей. — Въ 1848 году въ ловѣ по бакенамъ лѣвой стороны участвовало 177 казаковъ. Они получили кругомъ на человѣка по 2 штуки толстой красной рыбы (т. е. бѣлуги, осетра или шипа), по 19 севрюгъ и почти по 30 ф. икры; тогда какъ въ вольныхъ водахъ 17 казаковъ добывали кругомъ почти по 13 шт. толстой красной рыбы, по 132 севрюги и по 4¹/₂ пуда икры, не смотря на то, что уловъ, приходящійся на каждую сѣть, былъ вдвое менѣе, чѣмъ по бакенамъ.

Прибавимъ къ этому, что, хотя курхайскія рыболовства значительно увеличиваютъ общую массу годовичныхъ улововъ рыбы, они однако значительно уменьшаютъ собственно рѣчные ловы, ибо въ сѣти курхайщиковъ попадаетъ много рыбы, которая безъ этого вошла бы въ Уралъ, гдѣ рыболовство въ равной степени доступно каждому.

Изъ всего сказаннаго, конечно, не слѣдуетъ желать уничтоженія курхайскихъ лововъ. Ихъ нужно только устроить на основаніяхъ болѣе справедливыхъ и болѣе согласныхъ съ характеромъ общиннаго владѣнія водами, примѣняясь по возможности къ правиламъ, установленнымъ для разныхъ видовъ рыболовства рѣчнаго.—Здѣсь будетъ не у мѣста проектъ такого улучшенія;—не у мѣста можетъ быть и самъ длинный обвинительный актъ противъ Курхая; но я рѣшился на него потому, что онъ всего ближе ведетъ къ моей цѣли — показать разницу, существующую между ловами, учрежденіе которыхъ относится ко времени, когда всѣ правила устанавливались и развивались чисто обычнымъ путемъ, на основаніи коренныхъ, всѣми раздѣляемыхъ понятій о пользованіи общественною собственностію, сообразно выгодамъ большинства, отъ лововъ, возникшихъ недавно, но по своей сущности требовавшихъ новыхъ постановленій, которыхъ нельзя было скалкировать съ болѣе древнихъ лововъ.

При этомъ я долженъ добавить, что по моему искреннему убѣжденію, при установленіи правилъ Курхая, не имѣлось въ виду намѣренно покровительствовать немногимъ богатымъ на счетъ большинства. Это сдѣлалось невольно, само собою, вслѣдствіе измѣненій въ самомъ способѣ казацкаго рыболовнаго законодательства.

Другой видъ морскаго рыболовства—есть подледный ловъ аханами,—тоже ставными или, правильнѣе, висячими сѣтями, ибо они висятъ въ водѣ длинными порядками на перекладахъ, опирающихся на края прорубей. Для него существуютъ почти тѣ же постановленія, какъ и для Курхаевъ, и между тѣмъ оно не представляетъ ни одного изъ ихъ неудобствъ. 1) Оно нисколько не вредитъ рѣчнымъ ловамъ, потому что въ январѣ и въ февралѣ, когда оно производится, рыбѣ еще рано подниматься въ рѣки. 2) Бакенныя линіи не имѣютъ тутъ никакого значенія, ибо выгодный ловъ начинается за 4-хъ саженою глубиною, преимущественной же на 6-ти и 7-ми саженой, гдѣ каждому полный просторъ къ выставкѣжелаемаго числа сѣтей. 3) Для этого рыболовства нужны только сани, лошади, нѣсколько десятковъ ахановъ, самыхъ дешевыхъ изъ всѣхъ сѣтей, и запасъ овса для лошадей; а главное—привычка къ лишеніямъ, отважность и находчивость, капиталы, въ которыхъ Уральцы не имѣютъ недостатка. 4) Число рабочихъ тутъ ограничено соотвѣтственно чинамъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, нельзя составлять большихъ номинальных артелей, ибо, каждый, имѣя возможность ловить на себя, пристава къ дѣйствительнымъ товарищескимъ артелямъ, не пойдетъ въ работники изъ-за заработной платы. Какъ для верховыхъ казаковъ багренье, такъ для низовыхъ, и въ особенности для Гурьевцевъ, это любимое рыболовство, несмотря на грозящія на немъ опасности, можетъ быть даже по причинѣ этихъ самыхъ опасностей.

Въ концѣ декабря или съ января, отправляются казаки на саняхъ въ море, гдѣ проводятъ около двухъ мѣсяцевъ на льду, изрѣдка прѣзжая въ Гурьевъ, для склада добычи и закупки продовольствія себѣ и лошадямъ. Хотя и среди зимы, случается, что льдины съ живущими и рыбающими на нихъ казаками откалываются отъ сплошной массы прибрежнаго льда и носятся по морю, но опасности этого рода становятся значительными только съ приближеніемъ весны. По нѣскольку недѣль носятся тогда аханщики по морю, такъ что у нихъ выходятъ иногда съѣстные припасы. Тогда рѣжутъ лошадей, чтобы ихъ мясомъ прокормить по крайней мѣрѣ рабочихъ изъ Киргизъ, сами же рѣшаются его ѣсть только въ послѣдней крайности, считая нечистымъ.

Замѣтя, что льдина, носящая ихъ, подтаивая все болѣе и болѣе, грозитъ распасться, они надуваютъ лошадиныя шкуры, снятыя черезъ шею по отрѣзаніи головы, дѣлаютъ изъ нихъ бурдюки, прикрѣпляютъ ихъ къ своимъ санямъ, изъ оглобелъ дѣлаютъ весла, и на этихъ особаго рода судахъ предоставляютъ судьбу свою морю. Такимъ образомъ бѣдствующихъ аханщиковъ обыкновенно прибываетъ къ какому либо берегу, или ихъ принимаютъ встрѣчные Астраханцы, идущіе на эмбинскій ловъ. Жизнь аханщиковъ на льду и опасности, которымъ они подвергаются, весьма живо и вѣрно описаны г. Желѣзновымъ въ статьѣ «Картины аханнаго рыболовства», помѣщенной въ 9 № Москвитянина за 1854 годъ. Я слышалъ изъ устъ самихъ бѣдствовавшихъ подтвержденіе часто изумляющихъ случаевъ, тамъ описанныхъ.

Если изъ всего доселѣ сказаннаго мы бы захотѣли опредѣлить характеристическую черту уральскаго рыбнаго хозяйства, относительно добыванія предлагаемаго природою богатства, то я полагаю, что мы могли бы опредѣлить ее такъ: достиженіе наивозможно большаго улова при наивозможно легчайшихъ средствахъ, и по возможности въ такое время года, когда добываемый продуктъ

имѣть наибольшую цѣнность. Слѣдовательно, наивозможно полнѣйшее пользованіе дарами природы, то именно, что должно составлять стремленіе всякаго разумнаго хозяйства, если оно ограничивается пользованіемъ, предлагаемымъ природою, не заботясь о сбереженіи и увеличеніи ея производительныхъ силъ. Я надѣюсь, что мнѣ прежде удалось уже показать, почему эта забота вовсе не могла входить въ расчеты и соображенія Уральцевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Уральцами приняты всѣ предосторожности, часто даже преувеличенныя, чтобы рыба находила въ Уралѣ, до поры до времени, полное приволье и совершенные тишину и покой. Въ морѣ же противъ устьевъ Урала существуетъ заповѣдное пространство, на которомъ никогда ея не ловятъ и гдѣ ей совершенно свободный ходъ. Однимъ словомъ, все сдѣлано, чтобы болѣе входило рыбы въ Уралъ, гдѣ поймать ее и легче, и дешевле, и доступнѣе каждому, чѣмъ въ морѣ. И дѣйствительно, все, что войдетъ въ него, вылавливается въ два срока почти до-чиста. Весною, когда медлить нельзя, она почти вся перехватывается на пути севрюжниками. Въ это время рыба, правда, дешева, да дѣлать нечего — лова отложить нельзя. Что не вошло въ рѣку, вылавливается по возможности въ морѣ, вправо и влево отъ ея устьевъ. Осенью и зимою Уралъ исподоволь, въ нѣсколько пріемовъ, вылавливается въ другой разъ; что осталось въ морѣ, попадаетъ въ аханы. Такимъ образомъ Уралъ составляетъ какъ бы громадный вентерь, крылья котораго — побережья моря и ряды сѣтей вдоль бакенныхъ линій. Что въ этотъ вентерь вошло, уже почти не возвращается, а составляетъ вѣрную добычу казаковъ. Уралъ въ отношеніи къ морю тоже, что запорная старица въ отношеніи къ нему. Весною, при большой водѣ, когда рыбѣ свободный входъ и выходъ, вылавливаютъ по старицамъ что могутъ; но какъ только спадаетъ вода и откроется возможность отрѣзать рыбѣ отступление, дѣлаютъ запоры. Такъ и въ Уралѣ, гдѣ мѣсто запоровъ занимаютъ строгое охраненіе его тишины и собственный инстинктъ рыбы. Все лѣто остается въ старицахъ, какъ и въ Уралѣ, рыба нетронутаю и вылавливается зимою. И такъ, Уральцы вполне достигаютъ цѣлей, которыя мы обозначили, какъ характеристическую черту ихъ рыбнаго хозяйства: 1) вылавливать наивозможно большее количество рыбы — два раза въ годъ вычерпывая почти всю рыбу изъ Урала; 2) вылавливать ее самыми легкими, дешевыми и каждому доступными средствами — покровительствуя

рѣчному лову охраненіемъ рѣчныхъ устьевъ; наконецъ 3) оставить по возможности рыбу какъ бы въ садкѣ до того времени, когда она получитъ наибольшую цѣнность,—запрещая лѣтній ловъ.

Обратимся теперь ко второй точкѣ зрѣнія на устройство уральскаго рыбнаго хозяйства, на распредѣленіе добычи, получаемой отъ рыбныхъ промысловъ.

На рыболовствахъ плавныхъ, багреномъ и аханномъ, собственно нечего говорить о распредѣленіи добычи; тутъ всякій беретъ на свою долю, что поймаетъ. И для этихъ рыболовствъ это самый лучший способъ, ибо на нихъ употребляютъ самыя дешевыя орудія лова: багоръ, бударка съ недорогой плавной сѣтью или ярыгою, или нѣсколько еще дешевѣйшихъ ахановъ, что все по своей цѣнѣ доступно самому бѣдному. Слѣдовательно, каждый и беретъ себѣ изъ предлагаемаго природою долю, соответствующую его отважности, искусству, неутомимости въ работѣ или счастью, а между тѣмъ личное стараніе поощрено, не убито какою-нибудь искусственною уравниательною комбинаціею, что весьма важно въ такихъ занятіяхъ, гдѣ каждое лицо можетъ составлять такъ сказать промышленную единицу, не имѣющую нужды въ посторонней помощи. Только тамъ, гдѣ элементъ счастья и случайности слишкомъ преобладаетъ, какъ напримѣръ въ багрени, для ослабленія его введены артели, составляющія въ этомъ случаѣ, такъ сказать, примѣненіе начала среднихъ величинъ. Во всѣхъ этихъ рыболовствахъ, богатство имѣетъ весьма мало значенія, ибо въ названныхъ рѣчныхъ рыболовствахъ, всякое участіе рабочихъ не войскового сословія строго запрещено; на аханномъ ловѣ хотя и дозволено, но очень ограничено; наемъ же работниковъ изъ *казаковъ* на всѣ эти рыболовства затруднителенъ, ибо всякій изъ нихъ имѣетъ не только право, но и возможность участвовать въ нихъ самостоятельно. И опять, это совершенно разумно и законно, ибо на какомъ основаніи давало бы богатство право черпать большую долю изъ общаго достоянія, только потому, что оно существуетъ, хотя вовсе не содѣйствуетъ увеличенію добычи, да и нѣтъ нужды въ его содѣйствіи?

Совершенно другое дѣло—въ тѣхъ рыболовствахъ, гдѣ орудія лова стоятъ сравнительно дорого, такъ что не каждый можетъ ихъ имѣть. Тамъ справедливо, чтобы доставляющіе своими издержками всему войску средства въ лову, получили за это и ббльшую долю въ добычѣ. Таковы всѣ неводные ловы, ибо неводъ стоитъ

не дешево; на черхальскомъ зимнемъ ловѣ, напримѣръ, до 1.000 руб. сер. На этихъ рыболовствахъ, къ тому же, промышленная единица—не отдѣльное лицо, а неводная артель; поэтому тутъ и совершенно иныя правила дѣлежа улововъ. Мы рассмотримъ главнѣйшія ихъ видоизмѣненія по различнымъ рыболовствамъ.

На *осеннемъ неводномъ ловѣ*, что какимъ неводомъ вытянуто, то и принадлежитъ приписанной къ нему артели, тянувшей его, и раздѣляется по паямъ между ея членами. Хозяинъ получаетъ за свой неводъ пять паевъ, каждый изъ простыхъ казаковъ за работу по паю, слѣдовательно и хозяинъ, если онъ работалъ, какъ всегда бываетъ. Офицеры, лично участвующіе въ тягѣ, получаютъ: оберъ-офицеры по два, штабъ-офицеры по три пая. Наконецъ, на каждого иногороднаго работника также полагается по паю, который получаетъ за него, нанимавшій его, хозяинъ. Вообще, на всѣхъ неводныхъ ловахъ офицеры имѣютъ значительныя преимущества, получая лишніе пай за личное участіе, и за иногородныхъ работниковъ, которыхъ могутъ нанимать въ большемъ числѣ, чѣмъ простые казаки. Это постановленіе совершенно справедливо, потому что офицеры, какъ мы видѣли, несутъ службу, не получая за нее денежнаго вознагражденія отъ войска. На осеннемъ неводномъ ловѣ существуетъ постановленіе, что неводная артель не можетъ состоять меньше, чѣмъ изъ шести человѣкъ—еще одна изъ тѣхъ тонкостей, о которыхъ я говорилъ. Причина тому слѣдующая. Такъ какъ никому не запрещается имѣть по нѣскольку неводовъ, что, при ограниченіи числа иногородныхъ работниковъ, не имѣетъ для прочихъ казаковъ никакихъ вредныхъ послѣдствій, ибо ихъ должны тянуть казаки же изъ паевъ; то такому хозяину нѣсколькихъ неводовъ, которые должны тянуться послѣдовательно, въ порядкѣ доставшихся имъ жеребьевъ, а не вдругъ, весьма выгодно имѣть какъ можно меньше приписанныхъ изъ паевъ казаковъ къ каждому неводу; а симъ послѣднимъ выгодно быть товарищами у такого хозяина, получая пай съ каждой тяги, даже съ нѣкоторою уступкою въ пользу его изъ своей доли. Это было бы, однако же, невыгодно для большинства, такъ какъ многіе черезъ это вовсе не могли бы участвовать въ ловѣ.

Правило, что каждая неводная артель беретъ то, что сама наловила, не имѣетъ на этомъ рыболовствѣ никакихъ неудобствъ, потому что всѣмъ полная свобода приписываться къ какому угодно песку, черезъ что на болѣе уловистый приписывается больше

артелей, и каждой приходится рѣже тянуть и наоборотъ; къ тому же, жеребьевый порядокъ измѣняется послѣ каждой дневки.

На зимнемъ неводномъ ловѣ дѣлежъ добычи совершенно иной. Здѣсь ловъ въ каждомъ участкѣ производится сообща, т. е. каждый неводъ ловить не на себя, а складываютъ весь уловъ въ общія кучи, называемыя *урсами*. Такъ какъ здѣсь ловъ идетъ всѣми неводами вдругъ въ запертомъ пространствѣ, куда рыба изъ другихъ участковъ зайти не можетъ, то неводъ, получившій невыгодное мѣсто, былъ бы въ большомъ убыткѣ передъ другими. Дѣлежъ урсовъ по паямъ отличается лишь тѣмъ, что хозяева неводовъ получаютъ здѣсь по шести паевъ, вмѣсто пяти, потому что зимніе невода стоятъ дороже осеннихъ; офицерамъ лично участвующимъ полагается здѣсь безъ различія чиновъ по два пая. На неводъ не должно быть приписано менѣе 14 человекъ.

На весеннемъ Черхальскомъ ловѣ, производимомъ лишь на небольшомъ пространствѣ озера, не болѣе какъ верстъ на 15 по берегу, пойманная рыба сейчасъ же солится, и черезъ нѣсколько дней тяги свозится въ одно мѣсто и раздѣляется на равныя кучи по числу тянувшихся неводовъ. Такъ какъ ихъ однако совершенно уравнивать нельзя, то одинъ изъ казаковъ отбираетъ у хозяевъ артелей шапки и, перемѣшавъ ихъ, кладетъ по шапкѣ на каждую кучу,—чья шапка, того и куча. Каждая же куча дѣлится по паямъ, такъ что за каждыя 100 сажень невода получаетъ хозяинъ пять паевъ. Прочія правила дѣлежа тѣ же, что и на зимнемъ неводномъ. При этомъ надо замѣтить, что, какъ невода, здѣсь употребляемые, очень длинны, то принадлежатъ обыкновенно нѣсколькимъ хозяевамъ, и приходящіеся имъ на долю пай распределяются въ пропорціи пяти паевъ на 100 сажень. Это еще въ большей степени относится къ зимнему Черхальскому лову.

На этомъ послѣднемъ дѣлежъ происходитъ отдѣльно въ каждой неводной артели, ибо по обширности пространства, занимаемаго промышленниками вокругъ всего озера, было бы затруднительно соединять уловъ въ одну кучу. Здѣсь на каждыя 100 сажень длины и пять сажень ширины невода полагается хозяевамъ по шести паевъ, на части же меньшія—по расчету, потому что зимою невода подвергаются большой опасности зацѣпиться за льдины и оборваться. Прочія правила тѣ же, что и на зимнемъ неводномъ. Казаки расписываются по неводамъ такъ, чтобы приблизительно на одинаковую длину невода пришлось ихъ по ровну.

На узеньяхъ, гдѣ, по различному свойству рѣчекъ и озеръ, употребляются и невода различной длины и ширины, вознагражденіе хозяевъ ихъ предоставлено взаимному соглашенію между членами артелей.

Запорные ловы представляютъ слѣдующія замѣчательныя особенности: передъ началомъ лова запорщики объявляютъ о своихъ расходахъ на устройство заповровъ и окарауливаніе водъ, и получаютъ немедленно приходящуюся имъ за то сумму со всѣхъ участниковъ въ ловъ по уравнительной раскладкѣ, т. е. не по числу лицъ, а по числу паевъ, на которые каждый имѣетъ право лично, за рабочихъ и за невода. Такимъ образомъ, если бы въ запорной старицѣ и вовсе не оказалось рыбы, то запорщики все же получаютъ обратно свои издержки, и потому, казаки, имѣющіе денежные средства, ничѣмъ не рискуя, не удерживаются страхомъ убытка отъ устройства заповровъ, и безбоязненно могутъ, такъ сказать, ссужать войско на расходы для общепользующей цѣли. Впрочемъ, иногда запорщики, предвидя хорошій уловъ, сами отступаютъ отъ этихъ правилъ, требуя лишь извѣстнаго числа паевъ въ вознагражденіе за свои издержки. При дѣлежѣ полагается хозяевамъ неводовъ по 5 паевъ, прочимъ же—какъ при зимнемъ неводномъ. Въ каждой старицѣ не дозволяется тянуть болѣе чѣмъ 4-мя неводами, дабы излишнимъ числомъ неводовъ, противъ дѣйствительной въ нихъ потребности, не увеличить чрезъ мѣру числа паевъ, приходящихся на невода, въ ущербъ прочимъ казакамъ-работникамъ.

Такимъ образомъ, при всѣхъ неводныхъ ловахъ, полагается извѣстное число паевъ, сверхъ приходящихся каждому за его трудъ при тягѣ, въ вознагражденіе тому, кто сдѣлалъ полезныя для всѣхъ издержки на неводъ. Однако приняты мѣры, чтобы вознагражденіе это не было слишкомъ стѣснительно для большинства.

Опредѣленіе наибольшаго числа неводовъ, при ловѣ въ запорныхъ старицахъ, или назначеніе наименьшаго числа рабочихъ при неводѣ, на осеннемъ неводномъ и другихъ ловахъ,—полагаютъ границу числу или величинѣ паевъ, приходящихся на долю хозяевъ неводовъ, съ тѣмъ, чтобы пай эти могли доставаться большому числу казаковъ-работниковъ, участвующихъ въ ловѣ однимъ своимъ трудомъ. Такимъ образомъ, богатство допускается здѣсь къ пользованію изъ общественнаго источника лишь по мѣрѣ той поль-

зы, которую оно приносит цѣлому казацкому сословію, общему и нераздѣльному владѣльцу всѣхъ уральскихъ водъ. Непримѣненіе этого принципа къ курхайскимъ ловамъ, гдѣ всякій можетъ брать изъ общаго достоянія сколько дозволяютъ его денежные средства, какъ бы изъ своей частной собственности, нисколько, или почти не прилагая ихъ къ выгодамъ общимъ, дѣлаетъ изъ этихъ рыболовствъ совершенное исключеніе изъ общаго экономическаго устройства уральскаго рыбнаго хозяйства. Несмотря на это единственное исключеніе, кажется мнѣ, что я въ правѣ буду однако сказать, что характеристическую черту этого хозяйства, относительно распредѣленія улововъ, все-таки составляетъ возможно-равномѣрное пользованіе выгодами рыболовства всѣми казаками, съ отдачею нѣкоторыхъ преимуществъ тѣмъ, которые несутъ государственную службу; и что равномѣрность эта достигается различными способами, смотря по различію въ самыхъ способахъ производства рыболовствъ, не полагая на всѣхъ стѣснительнаго уровня, но давая просторъ личнымъ усиліямъ cadaго.

Хотя мы далеко еще не исчерпали нашего предмета, я полагаю, однако же, что сказаннаго довольно, чтобы составить себѣ довольно опредѣленное и ясное понятіе объ общинномъ уральскомъ хозяйствѣ, признать его самобытность и несомнѣнныя экономическія достоинства. Въ заключеніе представимъ нѣсколько статистическихъ фактовъ, которые намъ покажутъ степень значительности уральской рыбной промышленности.

Въ пятидесятыхъ годахъ, изъ уральскихъ водъ добывалось, или, правильнѣе сказать, доставлялось торговлѣ, ибо количество рыбы, потребляемое на мѣстѣ, неизвѣстно, до 140.000 пудовъ красной рыбы, отъ 800.000 до 900.000 пудовъ черной, около 14.500 пудовъ икры и до 300 пудовъ клею.

Въ послѣднее время, количество добываемой черной рыбы весьма усилилось, что должно приписать большому вниманію, обращенному на ловъ ея, вслѣдствіе сильнаго уменьшенія въ уловахъ красной рыбы, которые во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ доходили до 270.000 пудовъ рыбы и до 33.000 пудовъ икры въ годъ; за то черной рыбы ловилось тогда не болѣе, какъ отъ 500.000 до 600.000 пудовъ.

Общее число уральскаго населенія въ 1855 году состояло изъ 34.779 мужчинъ и 36.219 женщинъ. Но въ это число включены казаки станицъ Илецкихъ и Сакмарскихъ и Башкирскаго отдѣле-

нія, которые не имѣютъ права на участіе въ общественной уральской рыбной ловлѣ. Считая только пользующихся этимъ правомъ, будемъ имѣть для 1855 года 25.497 лицъ мужескаго пола. Въ 1847 году ихъ было 23.139. Изъ этого числа, дѣйствительно участвовало въ рыбной ловлѣ, хотя бы въ которомъ нибудь одномъ промыслѣ, отъ 6.589 человекъ въ 1854 году (когда война вызвала большое число казаковъ на дѣйствительную службу), до 13.168 человекъ въ 1852 году. Средняя цѣнность улова за трехлѣтіе отъ 1851 по 1853 годъ составляетъ около 1.150.000 руб. сер., доходившая въ 1852 году до 1.200.000.

Принимая въ расчетъ возвышеніе цѣнъ въ послѣднее время, мы найдемъ, что цѣнность улововъ въ послѣдніе годы не уменьшилась сравнительно съ цѣнностью ихъ 20 лѣтъ тому назадъ, ибо въ 1836 году она составляла 1.170.000 руб. сер. Но, такъ какъ народонаселеніе увеличилось съ тѣхъ поръ на цѣлую треть, то на долю каждаго казака приходится теперь меньшій доходъ, который въ трехлѣтіе отъ 1851 по 1853 составлялъ, однако же, на казака вообще 47 руб. 82 коп. сер., на дѣйствительно участвовавшего въ ловѣ 115 руб. 64 коп. Доходъ весьма значительный, если примемъ во вниманіе, что онъ получается только съ избытка рыбы, поступающей въ продажу, не считая того, что потребляется на мѣстѣ; что, кромѣ рыболовства, казаки получаютъ немаловажныя выгоды, одни отъ хлѣбопашества, другіе отъ обширнаго скотоводства, а нѣкоторые и отъ перепродажи скота, покупаемаго у Киргизъ; наконецъ, что расходы на рыболовство весьма незначительны, ибо каждый казакъ по большей части самъ и хозяинъ и работникъ. По самому щедрому расчету, они составятъ не болѣе 175.000 р. сер. въ годъ, такъ что чистаго хода отъ рыболовствъ въ пользу войска остается до 1.000.000 р. сер.,—не считая 46.800 руб., поступающихъ въ Войсковую Канцелярію. Изъ этихъ чиселъ видно, къ какой значительной отрасли промышленности примѣнено Уральцами самобытно ими выработанное начало общиннаго пользованія. Замѣчу еще, что начало это господствуетъ у нихъ и во всѣхъ прочихъ отрасляхъ ихъ экономической дѣятельности, въ сѣнокошеніи, въ пользованіи лугами и пастбищами и въ землопашествѣ, хотя конечно въ другихъ видахъ, чѣмъ для рыболовства. Но такъ какъ предметы эти не были мною спеціально изучены, то я не могу о нихъ говорить, и ограничиваюсь сказаннымъ о рыболовствѣ.
